

Геннадий Максименко

Сон длиною в жизнь

<https://litres.ru/74542943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даниил, наш современник, оказывается перенесённым в древность, где судьба сводит его с ветхозаветным патриархом Авраамом и его сыном Исаа-ком. Он остаётся в той эпохе до глубокой старости. Авраам делится с ним историей своей жизни, рассказывает, как он познал Господа и стал Его верным служителем, а также о тех откровениях, что были явлены ему свыше. Даниил постигает от патриарха суть веры, смирения и истинного почитания Творца, учится всецело доверять Ему. Прожив в минувшей эпохе до преклонных лет, герой обретает искреннюю веру, любовь к Богу и находит верных друзей.

Удастся ли ему возвратиться к родным, вновь увидеть тех, кто ему дорог? Сможет ли он поведать о пережитом?

А вы, читатель, задумайтесь: может быть, и ваша жизнь - часть большой истории, которая началась задолго до вас и продолжится после? Быть может, и вам однажды суждено встретить Того, Кто проведёт вас сквозь пустыню к звёздам, что были обещаны Богом?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Геннадий Максименко

Сон длиною в жизнь

Глава

Аннотация

Даниил, наш современник, оказывается перенесённым в древность, где судьба сводит его с ветхозаветным патриархом Авраамом и его сыном Исааком. Он остаётся в той эпохе до глубокой старости. Авраам делится с ним историей своей жизни, рассказывает, как он познал Господа и стал Его верным служителем, а также о тех откровениях, что были явлены ему свыше. Даниил постигает от патриарха суть веры, смирения и истинного почитания Творца, учится всецело доверять Ему. Прожив в минувшей эпохе до преклонных лет, герой обретает искреннюю веру, любовь к Богу и находит верных друзей.

Удастся ли ему возвратиться к родным, вновь увидеть тех, кто ему дорог? Сможет ли он поведать о пережитом?

А вы, читатель, задумайтесь: может быть, и ваша жизнь - часть большой истории, которая началась задолго до вас и продолжится после? Быть может, и вам однажды суждено встретить Того, Кто проведёт вас сквозь пустыню к звёздам,

что были обещаны Богом?

Данные для этой книги были взяты из Святой Библии, а также из «Иудейских древностей» - трудов Иосифа Флавия, древнееврейского историка и военачальника, произведения которого сохранились во многом благодаря усилиям христианской церкви.

Вступление

Я никогда не думал о том, зачем мы живём. Мне казалось, что каждый человек, который рождается, просто проходит свой путь так, как умеет. Некоторые успевают получить от жизни богатство и славу, а другие, без особых талантов, вынуждены существовать в бедности и забвении. Я думал, что жизнь - это какая-то ошибка природы.

В один и тот же день на свет появляются два младенца: сын правителя, которому предстоит стать наследником трона и остаться в памяти людей, и сын простого крестьянина, чья участь - рабство и неизвестность, который не сможет оставить после себя ничего, кроме детей, чья жизнь тоже не будет иметь значения. Имя царя будут помнить поколения,

а о крестьянине никто не вспомнит. И его имя, и его судьба исчезнут навсегда.

Так в чём смысл? К чему жизнь, которая проходит бесследно? Зачем я появился на этой земле? Только ради того, чтобы продолжить род, который, как и я, не оставит ничего важного?

Или же мы рождаемся для чего-то особенного, чтобы оставить свой след в истории? Может быть, мы кому-то действительно важны? Возможно, жизнь - это не полная неизвестность? И есть Тот, Кто следит за моим путём, желая, чтобы я не растрачивал его напрасно, а жил полноценно, веря и надеясь на Него, способного поддерживать меня и избавить от душевного гнёта...

Что же такое моя жизнь? Игра?

ГЛАВА 1

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Осенний ветер слегка касался пожелтевшей листвы, которая ещё держалась на ветвях старого ясеня. Небо, как это обычно бывает в эту пору, закрыли серые облака, медленно плывущие над затихшей землёй и время от времени роняющие мелкие капли дождя. Природа постепенно замирала в ожидании зимы. Воздух был прохладным, по-осеннему свежим. В этот утренний час на улице почти не встречались лю-

ди - все спешили укрыться в своих тёплых домах, где царил уют и тепло семьи. Деревья уже потеряли летнее убранство и лишь сонно покачивали голыми ветками.

На скамейке у одного из домов сидел молодой мужчина, опираясь подбородком на руки и устремив взгляд в одну точку. Этого молодого человека звали Даниил. Сегодня ему исполнилось тридцать пять лет. Он не считал себя старым, ведь что такое тридцать пять? Это время расцвета, когда ещё многое впереди. Конечно, это уже не двадцать, но и до глубокой старости далеко. Сколько всего можно успеть, сколько изменить, если возникнет такая необходимость.

Даниилу в жизни повезло. У него была замечательная жена Виктория, которую он любил безгранично, и двое прекрасных детей - девочка и мальчик. Дочка Дарья очень походила на мать: такая же милая, с белыми косичками, её волосы вились и непослушно завивались в локоны. А сын Максим, наоборот, был похож на отца. Он так сильно привязался к Данилу, что тот брал его с собой повсюду. Их семья была крепкой и дружной, служила примером мира и любви для всех соседей.

Этим утром Даниил проснулся с необычным чувством, которое вызвало у него беспокойство. Ничего особенного не случилось, но какое-то смятение в сердце мешало спокойно думать. Выйдя на улицу, он сел на скамейку и попытался понять, что же произошло такого, что не даёт ему заниматься домашними делами.

Позавчера он вернулся из командировки в Кострому. Успел приехать до своего дня рождения. Он привёз жене Вике магнитик на холодильник. Но руки так и не дошли до того, чтобы отдать его.

- Нужно сегодня отдать, - подумал он.

Сегодня было воскресенье, на работу идти не нужно, и вся домашняя работа казалась какой-то мелкой и ненужной. Что-то тревожило его сердце, будто невидимая сила коснулась его души и задела самый сокровенный уголок. Как струна гитары, когда её трогаешь нежно, начинает дрожать и тихо звенеть, так и сердце Даниила трепетало от чего-то необъяснимого.

«Что со мной? - размышлял Данил, глядя в пустоту. - Что-то не даёт покоя, но что? Неужели я сделал что-то не так?»

Он попытался вспомнить вчерашний день. Всё было хорошо. Вместе с Викой они готовили праздничный обед, на который сегодня должны были прийти родные: мама, папа, брат с женой. Вика испекла отличный бисквитный торт, а Даниил сам приготовил и пожарил котлеты.

«Это единственное, что я умею готовить, - говорил он родным, - то, что получается лучше всего. Ну, ещё шашлык. Это я тоже могу».

И правда, котлеты и шашлык у Даниила выходили отменными. Он знал, какие специи добавить в мясо, чтобы вкус был незабываемым. Ему нравилось готовить вместе с женой.

Вика делала салаты и закуски, а Даниил, шутя и веселя её,

готовил свои неповторимые котлеты.

«Тебе так не сделать», - говорил он жене, добавляя в фарш свои секретные ингредиенты, а Вика, улыбаясь, отвечала: «Конечно, милый, это под силу только тебе. Где ты так научился?»

Даниил, воодушевлённый комплиментами, напевая что-то, с ещё большим усердием принимался за готовку.

И вот этим утром, сидя на скамейке, Даниил пытался понять, что не так.

Всё, как всегда, но душа не находит покоя. Что-то дрожит в ней, как минорный аккорд на гитаре.

Оглядевшись по сторонам, он никого не заметил, но что-то не давало ему покинуть холодную улицу и войти в тёплый дом, где его ждали ещё спящие жена и дети.

Даниил встал, потянулся и уже собирался зайти во двор, как вдруг увидел на улице двух человек. Это были молодой парень лет двадцати и женщина, чуть старше самого Даниила. Они медленно шли, заглядывая во дворы, и явно были расстроены, что на улице никого нет.

«Наверное, ищут какой-то дом», - подумал Даниил и уже хотел войти в дом, как женщина окликнула его.

- Молодой человек!

Даниил остановился и дождался, пока они подойдут.

- Прекрасное утро, не правда ли? - начала женщина, приблизившись.

- Утро было бы лучше, если бы не эти чёрные тучи, кото-

рые вот-вот прольются дождём, - ответил Даниил без особого энтузиазма.

- Конечно, но и у этого дня есть свои плюсы, - сказала женщина. - Бог позволил нам сегодня встретиться.

Даниил посмотрел на неё. Она улыбалась. Лицо у неё было приятное, располагающее к общению. Добрая улыбка не сходила с губ.

- Бог мог бы и лучше позаботиться о сегодняшнем дне, - ответил Даниил. - Придётся день рождения встречать дома, а не на природе.

Женщина обрадовалась ещё больше.

- О, значит, у вас сегодня день рождения? Тогда я понимаю, почему Господь направил нас именно на эту улицу.

Даниил покосился на парня, который молча стоял рядом, и спросил:

- Прямо, так и направил?

- Конечно, молодой человек. - Не смутилась женщина. - Можно узнать, как вас зовут?

Даниил не горел желанием разговаривать. Настроение было неважное. Но он был воспитанным человеком. Не ответить вежливому человеку было бы невежливо, поэтому он произнёс.

- Даниилом родители назвали.

- О, это прекрасное библейское имя, - сказала женщина. - Меня зовут Нина, а это Николай. Мы верим в Господа Иисуса Христа. Скажите, Даниил, вы хотели бы жить вечно в раю?

* * * * *

Родители Даниила были образованными и воспитанными людьми. Они не верили в Бога и полагали, что всего в жизни необходимо достигать собственными усилиями. Какой может быть Бог? Где он? Если бы Бог существовал, он уже давно вмешался бы в дела людей. Ведь на планете столько несправедливости: убийства, голод в Индии и Африке, войны по всему миру. Глядя на соседей и знакомых, нельзя утверждать, что они живут честно, но никакого божественного наказания они не понесли.

Когда родился Даниил, родители занялись его воспитанием так, чтобы потом не было стыдно перед людьми за то, что их сын - невоспитанный невежда. В школе Даниил был уверенным хорошистом. Особенно легко ему давались история и биология. Но его любимым предметом, всё же, оставалась история. О ней он знал всё. Ну, или почти всё. С удовольствием он изучал древние битвы и сражения. Ему было интересно, что, когда и где случилось, словно он сам побывал на этих баталиях, революциях и дворцовых переворотах.

Когда он окончил школу, родители надеялись, что сын поступит в институт, но Даниил не оправдал их ожиданий. Даниил встретил Вику.

С того момента, как он увидел эту красивую, кокетливую девушку, у него всё вылетело из головы, и учёба, и работа. Он

влюбился окончательно и бесповоротно. Вика была младше его на два года. Долгие прогулки и встречи под луной переросли в бурные и долгие отношения, которые продлились целых четыре года.

Когда Даниилу исполнилось двадцать два, они поженились.

Семейная жизнь сложилась удачно. Они сильно любили друг друга. Но как бы ни была велика их любовь, детей у них долго не было.

Прошло долгих шесть лет, прежде чем Вика однажды сообщила мужу, что он станет отцом.

Даниил был на седьмом небе от счастья. Он оберегал жену от любого стресса, и даже когда она во время беременности часто начинала кипеть на ровном месте, он всё обращал в шутку и успокаивал её, нежно целуя в носик.

Когда родилась Даша, Даниил был в неопишемом восторге. Чудесная девочка была словно кукла Барби с вьющимися светлыми локонами и очень была похожа на мать.

Через два года, когда родился сын Максим, в их семье наступила полная идиллия.

«Чего ещё можно ждать от жизни? - думал Даниил. - Можно ли желать чего-то лучшего? Если на земле существует рай, то это моя семья».

Иногда Даниил слышал о Боге. Но, будучи воспитанным в семье атеистов, он знал, что Бога нет. Его придумали люди в древности, чтобы объяснить капризы природы, а позже

- держать в повиновении неграмотных людей. Он даже когда-то начал читать Библию, но исключительно из любопытства. Прочитав несколько первых глав и дойдя до места, где какой-то человек хотел принести в жертву своего сына, он бросил читать.

«Разве это может быть правдой? - подумал он. - Какой отец в здравом уме решится убить своего сына ради богов? Всё это ересь». И Библия легла на полку, где пылились другие книги.

Как это было давно. Три, пять лет назад? Кажется, прошла целая вечность...

* * * * *

- Скажите, Даниил, хотели бы вы жить вечно в раю?

Нина улыбалась, глядя на Даниила открыто и с интересом, ожидая ответа.

Почему этот вопрос вызвал у Данила улыбку, он понял сразу. Ответ мгновенно возник в сознании.

- Да я уже живу в раю. - Ответил он. - У меня прекрасная жена, любимые дети. Чего мне ещё желать?

- А вечности? - спросила Нина, всё так же улыбаясь.

- Вечно жить никто не будет, - ответил Данил.

- Без Бога - да, не будет. Но Он хочет, чтобы вы, Даниил, жили с Ним. Он хочет дать вам в наследство мир и землю.

- Бога нет! - твёрдо ответил Даниил. - И все эти заблуж-

дения насчёт рая и ада ошибочны.

- Но это Он послал нас сегодня сюда, на встречу с вами. Он хотел, чтобы мы с вами встретились, и мы с Николаем передали вам кое-что от Него.

- Он Сам вам это сказал? – Усмехнулся Даниил. - Подошёл и сказал: «Идите к Даниилу»?

- Ну, почти так. Он указал нам путь на эту улицу. И здесь мы встретили вас, Даниил.

Время было ещё раннее. Вика и дети спали. Время позволяло.

- Ну давайте, расскажите, что Он велел вам мне передать...

* * * * *

- Даня, ты где? - раздался голос Виктории.

- Простите, мне нужно идти, - ответил Даниил. - Моя супруга уже проснулась.

- Хорошо, Даниил, - отозвалась Нина. - Обдумайте наш разговор. Бог ждёт вас. Откройте Библию, и вы всё поймёте.

- Всё это звучит как увлекательная сказка. Вы говорите, что Бог создал землю и всё остальное, но отчего же Он так жесток с людьми? Почему не прекращаются войны, почему умирают дети? Зачем требовать жертвоприношений? Хорошо, я почитаю Библию. Мне и самому интересно узнать продолжение, что же произошло с тем человеком - Авраамом и

его сыном. Как вообще можно принести собственного сына в жертву?

- В этой истории, Даниил, заложен глубокий смысл, - сказала Нина. - Это было пророчеством. Почитайте, и Господь непременно откроет его вам.

* * * * *

Днём, как и предсказывал прогноз, начался дождь.

В доме собрались гости, родственники и друзья. День рождения прошёл замечательно. Все поздравляли Даниила, вручали подарки, и настроение, которое утром было неважным, постепенно становилось лучше. В разгар торжества Даниил подошёл к отцу, отвёл его в сторону и спросил:

- Скажи, пап. Ты веришь в Бога?

- С чего такие вопросы? - удивился отец.

- Да так, - уклончиво ответил Даниил. - Пообщался кое с кем.

- Бога нет, сынок. Будь осторожнее в общении, а то затянут в какую-нибудь секту.

- Я просто так. Забудь, - ответил Даниил и вернулся к столу.

* * * * *

Вечером, когда гости разошлись, столы убрали и посуду вымыли, Вика с Даниилом уложили детей спать и сами стали

готовиться ко сну.

- Я немного почитаю, - сказал Данил. - А ты ложись.

Когда Вика легла, он подошёл к книжной полке и взял Библию. Она вся

была в пыли, которую давно никто не вытирал. Взяв книгу, Даниил стёр с неё пыль и осторожно открыл. Затем перелистал несколько страниц, и его взгляд упал на строки: «Не должно быть скрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день - как тысяча лет, и тысяча лет - как один день». Сверху было написано: Второе послание Петра.

Он перелистал ещё несколько страниц и прочёл: «Вот, Я Господь, Бог вся-кой плоти; есть ли что-нибудь невозможное для Меня?» Сверху стояло: Иеремия.

Затем он открыл книгу Бытия и нашёл начало истории об Аврааме.

Бытие, глава 12...

«И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родни твоей и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе».

«Интересно, - подумал Даниил, - как Бог с ним разговаривал? Словами или внушал?»

Читая дальше, он всё больше увлекался. Книга читалась легко, и смысл написанного ясно и просто доходил до сознания Даниила. Интерес к истории, который он когда-то испытывал в школе, вспыхнул с новой силой. Он читал и читал,

не в силах оторваться. Всё, что происходило с Авраамом, отзывалось в душе Даниила. Он уже переживал, что у Авраама нет детей. А когда Сара отдала ему свою служанку Агарь, чтобы та родила ребёнка, Данил возмутился.

«Что за женщина! Неужели все женщины не могут терпеть? Ведь было же обещание...»

Когда он прочёл о Содоме и Гоморре, он понял, почему Бог разрушил эти города.

Ему было жаль Агарь и Измаила, изгнанных из лагеря.

Поражаясь всё больше, он читал о том, что Авраам стал отцом в сто лет. Ему представлялся древний старец, который с трудом ходил, опираясь на палку, с длинными седыми волосами и такой же белой бородой до пояса.

«Интересно, как у него получилось зачать Исаака? Обычно и в шестьдесят редко кто имеет детей. В восемьдесят это вообще невозможно, а в сто?»

Когда он добрался до двадцать второй главы, сердце сжалось от гнева. В груди снова поднялась волна злости на Бога. «Как Он может требовать от отца принести в жертву сына? Долгожданного сына? Где справедливость? И самое главное - Авраам безропотно подчинился...»

Прочитав главу до конца, он обрадовался вместе с Авраамом, что Исаак остался жив.

Взглянув на часы, он удивился, как быстро пролетело время. Стрелки показывали начало второго ночи. Пора ложиться.

ся.

Глаза слипались. Надев пижаму, Даниил нырнул под одеяло, взглянул на

букет роз, стоявший на подоконнике в спальне - подарок на день рождения

- и, заложив руки за голову, быстро уснул.

Ему приснился седой древний старик, с бородой до пояса, который с дере-

вянной клюкой бодро бегал за отарой овец...

* * * * *

В первый миг Даниилу почудилось, будто он в сауне. Затем возникло ощущение, что под ним не матрас, а горячая земля. Когда он разомкнул веки, над ним простиралось безоблачное небо, усыпанное звёздами. Они полыхали так ослепительно, что, казалось, висели прямо над головой - протяни руку и дотронешься до ближайшей.

Даниил приподнялся. Окинув взглядом окрестности, он увидел вокруг лишь бескрайнюю пустыню, уходящую во все стороны.

«Я сплю, - пронеслось в голове. - Какой дурацкий сон. Начитался перед сном. Привидится же такое».

Он хотел снова лечь, но тут осознал, что ложиться придётся на землю.

Ещё не до конца очнувшись, он резво вскочил. Сон исчез мгновенно, а сердце провалилось куда-то в живот. Даниил

стоял посреди пустоши поросшей редкой растительностью и озирался по сторонам. Горячий воздух обжигал лёгкие, делая каждый вдох мучительным.

- Что за... - произнёс он вслух, и звук собственного голоса окончательно привёл его в чувство.

Тёплая земля под ступнями приятно грела ноги. Вокруг тянулись барханы, кое-где торчали редкие кустарники.

- Эй! Где я? - тихо спросил Даниил.

В ответ отозвалась тишина. Оглядываясь, он всё сильнее убеждался: это не сон.

- Бред какой-то. Это чья-то шутка?

Но ответить было некому. Лёгкий горячий ветерок шевелил его волосы. Всё это походило на розыгрыш, только с одним отличием — всё это была горькая правда.

- А-а-а! - в ужасе закричал Даниил, и пустыня поглотила его вопль.

Мысли роились, словно мухи. Мозг работал с невероятной скоростью. Снова посмотрев по сторонам, он шагнул вперёд и ступил в песок. Развернулся, вернулся на место и заметил свои следы на песке. Вернее то, что их почти не было. Единственные отпечатки остались в метре от него - те, что он оставил, сделав пару шагов. Ни ведущих к нему, ни уходящих от него следов не наблюдалось. Выходит, он упал с неба? Даниил поднял глаза. Там так же

ярко горели звёзды, тихо подмигивая ему загадочным светом.

- Надо что-то предпринять. Двигаться куда-нибудь, - сказал он себе.

Вновь осмотрев горизонт, он решил направиться к слабому свечению, которое виднелось вдали. Это был даже не свет - просто в той стороне небо казалось чуть светлее.

Ноги путались в редкой растительности. Пот заливал глаза, волосы слип-

лись, будто его окатили водой из ведра. Вода. Сразу захотелось пить. В горле встал ком, который было трудно проглотить. Даниил шёл и шёл, а вокруг простиралась всё та же пустыня, без конца и края.

«Без паники, без паники, - уговаривал он себя. - Всё уладится. Просто ка-кое-то недоразумение. Сейчас я выйду на дорогу, поймаю машину и поеду домой. Бред. Какой бред. Почему не слышно шума машин? Никакого гула? А, ну да, сейчас же ночь. Все спят. Скоро начнёт светать, и я пойму, где дорога».

Но в голове уже закралась тревожная мысль. Рядом с его домом нет пустынь. Даже степей нет. Есть река. Лес. Но пустыня?

Пройдя около часа, ему вдруг показалось, что совсем недалеко что-то рывкнуло. Именно рывкнуло. Даниил замер и прислушался. Вокруг снова воцарилась тишина. Сделав несколько шагов, он опять услышал этот звук - будто какое-то чудовищное животное испустило рёв. Этот звук не походил ни на один из тех, что Даниил слышал в жизни. Вот

опять. Что это? Мозг лихорадочно перебирал варианты. Какое животное могло издавать такой рёв? Лев? Тигр? Пума?

Рёв повторился, и ему ответило другое существо. А следом раздалось блеяние овцы. Сердце забилося бешено.

«Наверное, хищники напали на добычу. Что будет со мной, когда они разделяются с овцой?»

Блеяние овцы снова прозвучало в ночной тишине. Это не было похоже на агонию умирающего животного. В воздухе слабо потянуло дымом.

Мысли метались.

«Овцы не живут на воле. Может, это отара? Тогда что за зверь так рычит?»

Выбор был невелик. Будь что будет. Недолго поколебавшись, Даниил решил идти на звук. Хорошо бы найти хоть какую-нибудь палку, но в пустыне это было невозможно - вокруг ни одного деревца.

Теперь уже стали доноситься и другие звуки. Блеяние овец. И всё тот же непонятный рык. Запах дыма стал сильнее.

Поднявшись на холм, Даниил увидел перед собой множество шатров. Возле них догорали костры. Вокруг бродили двугорбые верблюды. Овцы сбились в кучу и мирно лежали в загонах.

Сердце едва не выпрыгнуло из груди. Перед ним был лагерь кочевников. И лихорадочная мысль пульсировала в мозгу: «Куда же я попал?»

ГЛАВА 2

УДИВИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Даниил начал спускаться с песчаной горы. Его ноги вязли в песке, с каждым шагом рискуя запутаться. Шум приближался с огромной скоростью. Теперь он чётко различал крики животных, но к ним примешивались и отдельные человеческие голоса. Даниил побежал, насколько позволял сыпучий грунт.

Внезапно перед ним возникла фигура мужчины, завёрнутая в плащ. А может, это только почудилось? Незнакомец неподвижно стоял недалеко от лагеря. Голову скрывала накидка, и он напоминал ствол дерева, одиноко торчащий среди пустыни. Даниил направился к нему.

- Извините! - выдохнул он пересохшими губами, представляя путающиеся ноги. - Извините, я заблудился. Не могли бы вы помочь? Где я? Что это за место?

Человек обернулся, снял с головы покрывало и молча уставился на приближающегося Даниила. Он стоял неподвижно, дожидаясь, пока спешащий Даниил подойдёт поближе.

- Я ничего не понимаю. Вдруг я оказался здесь, в пустыне, вокруг ни души, разве так бывает?

Даниил почти приблизился к мужчине и остановился в трёх метрах, ошеломлённо глядя ему в лицо.

Незнакомец был не юн, но и старым его назвать было нельзя. Борода и усы буйно росли на обожжённом солнцем лице, и он с удивлением смотрел на Даниила, явно недоумевая, откуда тот мог взяться.

Потом мужчина что-то произнёс, но Даниил не разобрал ни слова. С ужасом он осознал: тот говорит на чужом языке.

- Нет, только не это. Господи, пожалуйста, только не это. – Взмолился он.

Мужчина обернулся к лагерю и что-то выкрикнул. На его зов из ближайшей палатки вышли двое и с интересом посмотрели на них.

Даниил попятился. Но человек взглянул на него добрыми глазами и протянул грубую, загорелую руку. Потом указал на палатки и поклонился, прижав правую ладонь к груди.

Где-то Даниил уже видел этот жест, в каком-то фильме - приглашение войти.

Сердце бешено колотилось в груди. Зубы застучали, но не от холода, а скорее от страха. Мужчина не разгибался, явно ожидая, когда Даниил пойдёт первым. Сделав несколько шагов, Даниил обернулся и увидел, что человек выпрямился и последовал за ним. К ним приближались те двое, что вышли из палатки. Зубы стучали, как отбойный молоток, сердце колотилось всё сильнее. Подойдя к ним, двое поклонились и остались стоять, пока Даниил и пожилой мужчина проходи-

ли мимо. Из палаток начали выходить женщины и дети. В свете угасающих костров Даниил заметил любопытство на лицах людей, стоявших и глазевших на него.

- Кто-нибудь говорит по-русски? - спросил он, уже догадываясь, что ответа не будет.

Лагерь наполнился шумом. Непонятная речь звучала ото всюду. Снова вспыхнули костры. Где-то зажглись факелы. Ночь озарилась тусклым светом огня, который принесли люди в таких же одеждах, как у первого встречного в пустыне. Люди с интересом смотрели на Даниила, что-то говорили и показывали на него пальцами. Им казалось странным его одеяние - пижама.

«Ну, это понятно, - подумал он, - в пижамах не ходят, в них спят». А люди подходили, трогали его руками, разглядывая ткань.

Среди шума и непонятных слов Даниил увидел, как красивая женщина

задала вопрос мужчине, встреченному им в пустыне. Единственное слово, которое он разобрал, прозвучало как «Абрахам».

Мужчина что-то ответил, и снова Даниил услышал в ответе имя: «Хеттура».

Голова закружилась, и Даниил потерял сознание.

* * * * *

Даниил проснулся и открыл глаза. Было светло, видимо, наступил день. Он обнаружил, что лежит на шкурах и укрыт белоснежной овечьей шкурой. Взгляд скользнул к потолку - над ним был купол шатра. Снаружи доносились голоса, непонятный язык звучал со всех сторон. Шатёр был большим и круглым. На полу стояли глиняные кувшины и чашки. Медные блюда стояли вперемешку с разными предметами, назначения которых Даниил не мог понять. Весь пол был устлан шкурами, заменявшими, вероятно, ковры. Даниил сел.

Шкура, закрывавшая вход, откинулась, и внутрь вошёл тот самый человек, которого он видел ночью. Подойдя к Даниилу, он сел рядом, скрестив ноги.

- Абрахам, - сказал он, приложив руку к груди. Потом указал на Даниила, явно ожидая ответа.

- Даниил, - ответил он.

Снаружи в шатёр заглянул человек примерно возраста Даниила, может чуть младше. Он подошёл и сел рядом, тоже скрестив ноги. Мужчина был похож на Абрахама, вероятно, он был его сын.

Обернувшись, Абрахам что-то сказал. В шатёр заглянул человек, ответил и скрылся. Через минуту он появился снова, неся глиняный кувшин и ещё что-то. Подойдя к Даниилу, он протянул сосуд, наполовину заполненный молоком. Рядом положил нечто вроде грязной, замусоленной бумаги, где лежали сыр и лепёшка, от которой веяло жаром. Человек

поклонился, прижав правую руку к сердцу, отошёл ко входу и остался стоять.

Абрахам указал на еду и жестом предложил поесть.

Лепёшка и сыр оказались очень вкусными. Пожалуй, за всю свою жизнь Даниил не пробовал ничего подобного. Молоко тоже было тёплым и вкусным - видимо, только что подоили животное. Всё это время никто не проронил ни слова. Только молча наблюдали как Даниил отправлял пищу в рот.

Когда Даниил поел, мужчина забрал остатки и кувшин и вышел.

Абрахам сел на пятки, протянул руки над головой Даниила и, посмотрев вверх, будто обращаясь к Кому-то, начал что-то говорить. Это выглядело очень странно. Казалось, он... молился?

Через пару минут он снова сел, скрестив ноги, и внимательно посмотрел на Даниила.

- Бог привёл тебя сюда, - сказал он на чистейшем русском языке.

Даниил опешил. Он что, притворялся?

- Вы говорите по-русски? - поражённо спросил он, чувствуя, как его язык и горло помимо его воли слаживались в непонятное проговаривание.

- Нет, это ты понимаешь мой язык, Даниил. И говоришь на нём.

- Не может быть. Ещё минуту назад я не понимал ни слова. А сейчас слышу прекрасную русскую речь...

Авраам улыбнулся и сказал:

- Есть ли что-нибудь невозможное для Бога?

- Бога? Вы сейчас говорили с Ним?

- Я просил Его, чтобы Он открыл твои уши. Он услышал меня.

- Бог существует? - поражённо спросил Даниил, чувствуя, как кровь отливает

от лица. Он сидел в шатре посреди пустынной равнины, где ветер гнал песок, словно время - пыль веков, и смотрел на человека, чьё имя знал из книги Библии, но никогда не думал встретить воплоти. Авраам сидел перед ним - не старец из библейских иллюстраций, а живой, с обветренной кожей и глазами, которые видели то, что не дано увидеть обычным смертным.

- Бог действительно существует, но не в том смысле, в каком ты говоришь. Он всегда был, есть и будет. До сотворения мира и после того, как мир исчезнет. Бог есть всегда. Он Сущий, - ответил Авраам. - Я знаю Его. Мы с Ним часто говорим.

Даниил протянул руку будто хотел коснуться этого человека, убедиться, что это не мираж, не игра воспалённого сознания. Но Авраам смотрел на него с таким спокойствием, что всякая фальшь отпадала сама собой.

- Как? - выдохнул Даниил. - Как можно знать Бога? Его нельзя увидеть, нельзя потрогать, измерить приборами. Люди тысячелетиями спорят о Нём, пишут трактаты, убивают

друг друга во имя Его. И тут приходите вы и говорите: «Я Его знаю». Что это значит?

- Знать Бога — это не знать факты о Нём. Знать Бога — значит слышать Его голос в тот момент, когда ты совсем один, когда от тебя ничего не осталось, кроме голой души, и когда мир вокруг тебя рушится до основания.

Авраам замолчал, и в тишине Даниил услышал лишь шум ветра за стенами

шатра. Потом старик продолжил:

- Я жил в Уре Халдейском. У меня был дом, богатство, положение. Мой отец делал идолов, и я вырос среди каменных богов, которых люди вытёсывали своими руками, а потом молились им. Я видел, как они приносят жертвы тому, что сами же и создали. И внутри меня росла смутная тоска - чувство, что всё это не то. Что настоящий Бог не может быть сделан из камня и дерева, не может быть ограничен четырьмя стенами храма.

Даниил слушал, затаив дыхание. За стенами палатки слышались блеянья овец, рык верблюдов и голоса, которые теперь он прекрасно понимал. Люди перекликались, готовились к трудному дню.

- И однажды, когда я сидел у входа в шатёр и смотрел на звёзды, - продолжал Авраам, и голос его стал тише, - я услышал голос. Не звук, который проникает через уши, а нечто другое. Словно сама тишина заговорила. И этот голос сказал: «Выйди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца

твоего, в землю, которую Я укажу тебе». Я не знал, кто говорит со мной. Я испугался. Но в этом голосе была такая полнота правды, что возразить было невозможно. Он не угрожал, не обещал золотых гор. Он просто звал.

- И вы пошли? - спросил Даниил. - Просто так? Оставили всё?

- Да. Потому что, когда Сущий говорит, у тебя нет выбора. Вернее, выбор есть

всегда, - Авраам поднял глаза к небу, где, казалось, он видел то, чего не видел Даниил. - Можно остаться и умереть от тоски по тому, что ты уже однажды коснулся. Или пойти, не зная куда, но зная, с Кем идёшь. Я взял Сару, взял Лота, взял скот и шатры. И мы пошли. Через пустыни, через реки, через земли, где нас считали чужаками. И каждый раз, когда я останавливался в нерешительности, голос возвращался и указывал путь.

Даниил провёл языком по пересохшим губам. Вопрос, мучивший его всю жизнь, рвался наружу:

- Но как отличить Его голос от своих собственных мыслей? Как понять, что это действительно Бог, а не безумие, не гордыня, не внушение?

Авраам улыбнулся, и в улыбке его было что-то бесконечно усталое и одновременно светлое.

- Это самый трудный вопрос. И на него нет простого ответа. Голос Сущего никогда не принуждает. Он тих. Он не кричит, не заглушает твой разум. Он просто есть - как свет,

который проникает в шатёр, когда ты уже привык к темноте. Ты узнаёшь Его по плодам. Если то, что ты слышишь, ведёт тебя к любви, а не к ненависти; к жизни, а не к смерти; к миру, а не к войне - это может быть Он. Но если голос требует крови, требует уничтожения других, требует насилия - это не Бог. Это твои страхи, принявшие Его Имя.

- Но вы принесли Исаака в жертву, - тихо сказал Даниил, чувствуя, как комок подступает к горлу. - Вы были готовы убить собственного сына. Как это назвать?

Авраам опустил голову. На мгновение он показался не пророком, а просто стариком, который несёт на плечах бремя самого тяжёлого воспоминания и Данилу стало стыдно за свой вопрос.

- Это испытание, которое я не забуду никогда. До конца моих дней. Когда я услышал это повеление, всё внутри меня восстало. Я думал, что сошёл с ума. Но голос был таким же ясным, как и в первый раз. И тогда я понял: Бог испытывает не мою слепую покорность. Он испытывал, насколько я доверяю Ему. Верю ли я, что Сущий, давший мне сына по обещанию, может воскресить его из мёртвых, если это будет нужно? Я взял нож, Даниил. Я поднял руку. И в тот момент, когда я уже занёс её для удара, голос остановил меня. Я не убил сына. И я понял: Богу не нужны жертвы. Ему нужно сердце, которое готово отдать всё, но при этом верит, что Сущий восполнит больше, чем забрал. Когда-нибудь я расскажу тебе эту историю.

Даниил опустил глаза, он видел, как тяжело старику вспоминать то, с каким

трудом он прошёл этот путь.

- После этого, - продолжал Авраам, - я знал Бога не просто как голос. Я знал Его как Того, Кто видит моё сердце насквозь и всё равно любит меня. Он обещал, что от меня произойдёт народ, и что в семени моём благословятся все племена земли. Я не доживу до исполнения этого обещания. Я умру, увидев только обрывки того, что будет после. То, что Он открыл мне в видениях. Но я знаю, что это будет. Потому что Сущий - верен Своему слову.

Даниил молчал долго. В голове крутились обрывки мыслей, но ни одна не складывалась в целое. Наконец он спросил:

- А как мне? Как мне, человеку из другого времени, из мира, где всё подвергают сомнению, где наука объяснила почти всё, где Бога заперли в прошлом? Как мне услышать Его?

Авраам положил руку ему на плечо, и прикосновение это было тёплым и реальным, как сама жизнь.

- Ты ищешь Его, Даниил. Это уже полдела. Сущий говорит с каждым, кто готов слушать. Но ты слишком занят своими вопросами, чтобы услышать ответ. Выйди из своего Ура Халдейского - из своих привычек, из своих страхов, из своего твёрдого знания того, как всё устроено. Оставь место для чуда. Не пытайся уместить Бога в рамки. И однажды, когда ты будешь смотреть на звёзды или на лицо своего ребёнка,

или просто на пустой песок под ногами, ты услышишь Его. Ты узнаешь Его. И тогда ты уже не сможешь делать вид, что Его нет. Бог не требует твоей веры для Своего существования. Твоя вера нужна тебе. Чтобы ты не задохнулся в пустоте, которую сам себе создал. Он есть. Он был. И будет. И ты можешь встретить Его. Но для этого тебе придётся сдвинуться с места.

Даниил долго молчал, обдумывая слова человека, лично знавшего и говорившего с Богом. Всё, что сейчас происходило с ним, было как сон, как игра больного воображения.

Даниил с последней надеждой спросил:

- Я сплю?

- Нет, Даниил. Ты не спишь. Вероятно, у Бога были на то Свои планы, раз Он направил тебя сюда.

- Скажите, - спросил Даниил, - где мы? Я имею в виду, где находимся? Что

это за место? Мы ведь не в России?

- Россия - это место, откуда ты пришёл? Такая страна?

- Да. Неужели вы не слышали о России?

- Нет, не слышал. Ты странно выглядишь. У тебя необычная одежда. Я никогда такого не видел.

- Это пижама. У нас в такой одежде спят. Я уснул дома, а проснулся в пустыне. Сам ничего не понимаю. Будто какая-то неведомая сила перенесла меня сюда. Чудеса.

- Видно, Бог так захотел. Непостижимы Его пути. Благословенно Имя Его. – Авраам поднял руки и посмотрел вверх.
- Мы не можем знать Его планов.

- Меня с детства учили, что Бога нет. У нас почти никто в Него не верит.

- Вокруг нас живут многие народы, которые не верят в Него. Но это ничего не значит. Халдеи всегда были невежественны.

- Халдеи? Кто это?

- Халдеи - народы, среди которых мы живём.

- А где вы живёте? Как называется эта страна?

- Мы в Ханаане.

- Где? Это где?

В это время вход открылся, и в шатёр снова вошёл человек.

- Господин, госпожа Хеттура спрашивает: вы будете ломлять хлеб сейчас или позже?

- Чуть позже, Елиезер.

- А это мой сын Исаак, - показал Авраам на мужчину, сидевшего рядом.

- Шалом, - сказал Исаак и поклонился.

- Исаак? - поражённо уставился Данил. - Исаак? Боже мой. Какой сейчас год?

- Две тысячи сорок восьмой от сотворения мира.

* * * * *

Даниил перестал удивляться происходящему. Он осознал, что это было не случайностью. Он оказался здесь с какой-то целью. Некто, желал от него че-го-то, и Этот Некто преследовал Свою, лишь Ему ведомую задачу.

Авраам и Исаак оставили Данила в шатре наедине с его мыслями. А их у него накопилось немало.

Даниил вспомнил свою жену, дочь и сына. Где они сейчас? Вероятно, они сбились с ног, разыскивая его. А может быть, и нет. Ведь он отсутствует всего лишь полдня. Хотя Даниилу казалось, что прошла целая вечность. Когда они хватятся его - через день, через два? Как воспримут новость, что он исчез, не оставив ни письма, ни сообщения.

И совершенно ясно, что он попал сюда каким-то невероятным образом. Какая-то таинственная сила перенесла его в это время, в прошлое. Оказаться во втором веке от сотворения мира — это, безусловно, интересно, но от этого можно сойти с ума.

«Сказать Аврааму, что я из будущего или нет? Сказать, что знаю его жизнь и то, что будет дальше... нет, нет. Этого нельзя говорить. Нельзя менять ход истории. Если я скажу ему, что случится дальше, он чего-то не сделает, и я буду в этом виноват. Нет. Я ничего не скажу ему. Хотя мне кажется, он о чем-то догадывается. И он говорит, что это Бог послал меня сюда. Но зачем? Если это правда, что Ему от меня

нужно?»

Время летело быстро. Видимо, наступило время обеда, потому что в шатер заглянул Елиезер, держа в руках вещи, и, приложив руку к груди, произнес:

- Господин просит вас оказать ему честь и разделить с ним трапезу. Одевайтесь, я вас провожу. - И он протянул Данилу белый халат, расшитый странными узорами.

Одевшись в непривычную одежду, Данил последовал за слугой.

День выдался солнечным и жарким, как обычно в месяце Ав.

Пустыня простиралась до самого горизонта, во все стороны, куда ни глянь. Небольшой стан располагался в низине. Около сотни шатров были разбиты вокруг вырытого колодца. Множество людей в разноцветных халатах сновали туда-сюда, занимаясь непонятной для Данила работой. Люди черпали воду из колодца кожаными мешками, выливали в поилки для животных и снова наполняли мешки. Дети играли в какие-то игры, гоняясь друг за другом. Кто-то готовил обед. То тут, то там горели костры. Каждый был занят своим делом.

Метрах в десяти от шатра, из которого они вышли, стоял навес. На шести

шестах было натянуто покрывало, защищавшее тех, кто находился под ним, от палящего солнца. Прямо на песке лежали шкуры, на которых возлежали Авраам и Исаак. Рядом

находилось нечто вроде глиняного мангала, где тлели угли. На них жарилось мясо, наполняя воздух приятным ароматом. Около мангала хлопотали три женщины. Одна, отдавала распоряжения другим, и самодельный стол наполнялся яствами.

Не успел Данил подойти, как Авраам с Исааком, также одетые в белые халаты, поднялись, приветствуя его как знатного гостя. Женщины с интересом уставились на него, даже не скрывая, что открыто разглядывают его. Авраам указал место, где Данил сел, скрестив ноги, как и хозяева.

- Добрый день, - сказал он всем.

- Слава Всевышнему, - ответил Авраам.

Женщины, вероятно, служанки, отвернулись и молча продолжили работу. Красивая женщина молча кивнула и тихо начала отдавать приказы остальным.

- Это моя жена Хеттура, - сказал Авраам. Женщина украдкой взглянула в их сторону и продолжила свое дело.

- Очень приятно, - произнес Данил. - Авраам, вы видели Бога? - задал он вопрос, который давно вертелся у него на языке.

- Нет. Бога нельзя увидеть. Наши глаза слишком грешны, чтобы видеть Святого. Если бы человек увидел Его, он ослеп бы от Его сияния. Но я разговариваю с Ним. Мы общаемся только тогда, когда Он обращается ко мне. В остальное время я молюсь Ему, и Он слышит меня.

Стол был накрыт. Все приступили к еде. Женщины ото-

шли в сторону, хотя Хеттура стояла неподалеку и могла слышать их разговор. Авраам налил из кувшина в глиняные кружки напиток, который оказался отличным вином. Выпив немного, они начали есть.

- Всевышний милостив к нам, да будет благословенно Имя Его, - сказал он, вытирая грубой смуглой рукой жир с губ.
- Уже более шестидесяти лет Он заботится о нас. Во время странствий по Ханаану многое произошло с нами, и Он всегда был рядом. Всегда приходил на помощь в трудные времена. Мы пастухи овец. Разводим их и продаем. Овцы хорошо плодятся. Нет мертворожденных, они тучны, а шерсть у них как шелк. За такие шкуры дают много талантов серебра, особенно в Египте. Египтяне не разводят овец. Считают это мерзостью. Но нуждаются в шкурах и хорошо платят. У нас есть все необходимое для жизни. Мы не голодаем. Всевышний обещал мне защиту и заботится обо мне до сих пор.

- И Бог говорит с вами? - снова спросил Данил.

- Конечно, мы разговариваем с Ним.

- А как вы говорите с Ним?

- Так же, как с тобой, Даниил. Он говорит, и я отвечаю.

Моя первая жена

Сарра, мать Исаака, сначала тоже не верила и задавала такие вопросы. Потом она поверила. Вера - вот чего нам иногда не хватает.

- Авраам, расскажите, - попросил Даниил. - Как вы впервые слышали Бога, как познакомились с Ним?

- О, это долгая история, Даниил. Но я расскажу ее тебе с радостью, только после трапезы. А сейчас расскажи о себе и о своей стране. Какие там люди, как вы живете, какой у вас быт?

Даниил начал рассказывать о себе, тщательно подбирая слова. Он понимал,

что не стоит говорить им о будущем. Это было бы неправильно. Он говорил правду, хотя, и не договаривая ее до конца.

Обед закончился. Хеттура накормила их очень вкусным жареным мясом, сыром с лепешками, а на десерт подала финики, фисташки, изюм и сушеные смоквы.

Авраам выглядел не старым, хотя, как оказалось, ему было сто сорок лет.

Его сын Исаак был красивым молодым человеком. В свои, как оказалось, тридцать восемь лет он уже был высок, смугл и казалось, что он занимается в спортзале, так как имел мускулистое тело.

Даниил сидел в тени шатра. Рядом опустился Авраам, скрестив ноги.

- Вы расскажете о себе? - спросил Даниил. - Кстати, почему у вас такое странное прозвище - «еврей»?

Авраам улыбнулся.

- Прозвище? - переспросил Авраам, и голос его звучал глухо, будто доносился из глубины веков. - Нет, Даниил, это не прозвище. Это имя, данное мне не людьми, а самим Вре-

менем и Тем, Кто стоит над ним. Ты спрашиваешь, почему меня называют евреем. Слово это, «иври», идет от корня «авар» - «переходить», «пересекать». Так назвал меня народ, ибо я перешел через великую реку. Но я перешёл не просто через Евфрат, нет. Я перешел через порог старого мира, через границу между прежней жизнью и новой землей, которую указал мне Всевышний.

- И вам не было обидно жить с таким прозвищем?

Авраам опять улыбнулся:

- Имя это - не просто метка. Еврей - это не кровь и не земля. Это дорога. Это человек, который всегда переходит. От тьмы к свету, от смерти к жизни, от себя - к другому. Каждый из нас, кто слышит зов и идет на него, становится иври. Не потому, что он родился от меня, а потому что он родился заново, перейдя через свою собственную реку.

ГЛАВА 3

РАССКАЗ АВРААМА

Я родился в эпоху правления царя Нимрода, в тысяча девятьсот сорок восьмом году от сотворения мира. У моего отца было три сына: я, Нахор и Аран. Мы жили в Уре Халдейском, когда мой брат Аран скончался. После него остался сын, мой племянник Лот, и две дочери - Сара и Милка. Отец сильно горевал по Арану, ведь тот был его первенцем

и самым любимым сыном. Лот, Сара и Милка остались жить с нами. После смерти моего брата отец взял Сару и Милку на воспитание, как собственных дочерей. Поэтому мы росли как братья и сёстры.

Когда настало время нам с братом жениться, отец решил, что мы с Нахором должны взять в жёны именно их, своих сестёр. В нашем народе принято вступать в брак с родственниками. Так выкуп за невесту остаётся внутри семьи, и не нужно отдавать его чужим. Мне было двадцать пять лет, и я испытывал симпатию к Саре, а Нахор тянулся к Милке. Отец объявил своё решение, и мы подчинились.

Сара была удивительно красива. В свои пятнадцать лет она напоминала стройную лань. Во всём Уре не было женщины прекраснее её. Когда она выходила на улицу, многие оборачивались, глядя ей вслед.

Сыграв свадьбу, мы продолжали жить все вместе под одной крышей. Как выяснилось позже, Сара не могла иметь детей. Она была бесплодна, и я

сильно привязался к Лоту. Он стал для меня почти как родной сын.

Наш отец был состоятельным человеком. Он владел множеством скота, слуг и рабов. Выделив нам с Нахором каждому свою часть имущества, мы стали жить как три семьи, но по-прежнему вместе. Каждому досталось по сто рабов и слуг, а также достаточно скота. Мы ни в чём не испытывали нужды. Раз в семь дней мы приносили жертвы богам и

верили, что они нам помогают. В нашем доме стояло много идолов. Каждый бог отвечал за свою область. Один управлял погодой - если нам нужна была хорошая погода, мы приносили жертвы ему. Другой ведал богатством, и ему приносили дары каждый седьмой день, и так далее.

- Но, если всё было хорошо, зачем? Зачем нужно было уходить? У вас был

дом в Уре Халдейском, были поля, скот, родня. Разве плохо вам жилось среди своих?

Авраам долго молчал, глядя вдаль, словно вспоминая дела минувших лет.

- Видишь ли, Даниил, дом - это не только стены. В Уре строили башни до небес, выплавляли медь, поклонялись идолам, которых сами же и вырезали из камня. Люди там забыли, что есть Один, суший над всем. Они создали богов из своего страха и своей гордыни. Отец мой, Фарра, делал этих идолов, продавал их. А я смотрел и не понимал: как можно молиться тому, что вышло из-под твоих же рук? Разве камень слышит? Разве глина ответит?

Он замолчал, услышав, как вдалеке заревел верблюд.

- Однажды ночью, когда в доме отца все спали, я взял топор и разбил всех идолов. Оставил только одного, самого большого, и вложил ему в руки топор. Утром отец проснулся, увидел разгром и закричал: «Кто сделал это?!» А я сказал: «Это сделал большой бог. Он разгневался на малых идолов, потому что те ели приношения, которые должны были

достаться ему одному». Отец засмеялся: «Глупец! Разве могут они есть или двигаться? Они же просто камень!» И тогда я ответил: «Если они просто камень, почему же ты молишься им?»

Даниил невольно улыбнулся, представив это: юноша, рядом истукан с топором и растерянный старик Фарра среди обломков.

- Отец очень тосковал по Арану. Ему было тяжело жить в городе, где всё напоминало ему о потерянном сыне. Поэтому он решил переселиться в Ханаан, где были отличные пастбища для скота и плодородная земля. Оставив дом, взяв всё имущество, слуг, рабов и скот, мы отправились в путь. Не помню, сколько времени мы шли. Дорога оказалась долгой. Мы часто делали остановки, потому что скоту нужно было пастись, людям - отдыхать, а сам поход был опасным. Вокруг жили племена, которые с радостью перебили бы нас и забрали наше добро, если бы отважились напасть. Но нас было много, и они предусмотрительно остерегались.

Добравшись до Харрана, мы остановились там. Отец был уже в преклонном возрасте и не мог двигаться дальше. Мы разбили лагерь и остались.

Прожив какое-то время в Харране, отец умер в возрасте двухсот пяти лет. Мы с братом похоронили его. Горе от потери отца было невыносимым. После его смерти мы с Нахором разделились и стали жить отдельными семьями, хотя всегда оставались рядом.

Уже тогда я начал сомневаться, что идолы могут быть настоящими богами. Мне пришло в голову, что солнце, луна и погода управляются Кем-то, Кто стоит над всей землёй. Кто-то должен был создать всё это и им управлять. Я вспоминал предания, передаваемые из уст в уста, что землю сотворил Единый Бог. Я стал молиться Истинному Богу, Всевышнему Творцу. Я уходил в пустынное место, где меня никто не слышал, и изливал там свои печали и сомнения. Я просил Всевышнего даровать мне сына, которому я мог бы оставить всё после своей смерти. Я старался быть справедливым, честным и милосердным человеком, думая, что за это Бог наградит меня потомством. У меня было всё, но не было наследника.

Прожив в Харране почти пятьдесят лет, я приобрёл славу справедливого и честного человека. Люди приходили ко мне за советом и помощью, и я старался никого не обидеть. Когда мне исполнилось семьдесят пять лет, мы с Сарой всё ещё оставались бездетными.

Однажды вечером, выйдя из шатра для молитвы, я по привычке направился в уединённое место...

* * * * *

В безлюдном месте стоял одинокий человек. Его голову укрывало покрывало. Он оставался неподвижным, молча опустив лицо вниз, словно погруженный в глубокие думы. Внезапно тишину нарушил голос:

- Аврам.

Человек вздрогнул. Оглядевшись по сторонам и никого не увидев, он ре-шил, что ему это почудилось. Снова склонив голову, замер в безмолвии.

- Аврам, - голос раздался вновь.

Мужчина повернулся в одну сторону, затем в другую - снова ни души. Его сердце сжалось от испуга.

- Кто говорит? - спросил он.

- Я Господь. Бог, создавший небо и землю.

Аврам рухнул на колени и простерся ниц. Сердце готово было вырваться из груди. Его охватил такой страх, что он не осмеливался поднять голову. Молча он внимал словам, которые звучали словно из ниоткуда.

- Это Я создал солнце, луну и все небесное воинство. Это Я сотворил все, что наполняет землю. И жизнь тебе, Аврам, тоже дал Я. Я услышал твою молитву, потому что ты обрел благоволение перед Моим лицом. Я вижу твои дела, и вся твоя жизнь в Моей руке.

- Что прикажешь мне делать, Владыко? - тихо прошептал Аврам.

- Выйди из земли твоей, от родни твоей и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и сделаю имя твое великим, и будешь ты благословением. Я благословлю тех, кто благословляет тебя, а проклинающих тебя прокляну, и через тебя получают благословение все племена земные. Помни, Ав-

рам: без Моей воли с твоей головы не упадет ни один волос.

Голос умолк. Аврам лежал, не смея поднять головы. Голос эхом отдавался в каждой клетке его мозга.

«Я знал. Я знал, -ликовало все внутри. - Я знал, что Всевышний жив».

Осторожно приподняв голову от земли, Аврам огляделся. Вокруг снова была тишина, и рядом никого не было. Посмотрев на небо, он другими глазами увидел звезды и луну. Небо подмигивало ему бесчисленными звездами, казалось, они улыбались ему. Почему он не замечал этого раньше? Ведь во всем творении видна рука Бога. Его величие.

Поднявшись с земли, Аврам быстрым шагом, почти бегом, направился домой.

Вот и стан. В центре стоял его шатер, окруженный другими, поменьше - шатрами его слуг. Вокруг горели костры, люди готовили еду, собираясь отойти ко сну. Никто не догадывался, с Кем только что говорил их хозяин. Петляя между шатрами, Аврам быстро бежал к своему. Люди удивленно провожали его взглядами. На их лицах было замешательство. Никогда они не видели своего господина торопливым. Он всегда ходил медленно и степенно, как и подобает главе. Но что случилось сейчас? Неужели какая-то беда? Неужели кто-то напал на стан? Но хозяин не поднимал тревоги. Просто он очень спешил.

Не добежав до шатра совсем немного, он крикнул:
- Сара! Сара!

Полог шатра откинулся, и в тусклом проеме показалась женская фигура.

- Что случилось, Аврам?

- Сара, я знал. Я знал, что Всевышний существует. Сара, Господь говорил со мной.

- Кто говорил?

- Господь, Всевышний. Он говорил со мной. Я знал, Сара. Я надеялся, что Он меня услышит. И Он ответил мне.

- Аврам, может, ты уснул и тебе это приснилось?

- Да нет же, нет. Он действительно говорил со мной. Он велел мне идти в землю, которую Он укажет мне. Сара, мы идем в Ханаан.

- Но как же так? У нас здесь все. Мы здесь живем...

- Сара, я не посмею ослушаться Господа. Мы завтра же собираемся в путь.

- Как скажешь, господин мой.

* * * * *

- Так вы просто собрались и ушли в никуда? - изумлённо произнёс Даниил, когда они вечером после ужина расселись у шатра.

- Разумеется. Меня позвал Бог. Я доверился Ему. Разве мог я отказать Создателю Вселенной? Тому, Кто создал всё сущее и даровал жизнь на земле.

На горизонте догорала узкая алая полоса заката. В лагере уже разжигали костры. Время пролетело незаметно, и Даниилу показалось, что перед ним промелькнула целая жизнь, целая эпоха. На небе зажигались первые звёзды. Самая яркая из них - Венера - словно подмигивала ему и улыбалась, будто спрашивая: «Разве ты не знал этого? Разве ты не ведал, что существует великий Бог? Тот, Кто создал нас и дал каждой из нас имя? Разве ты не понимал, что Великий Творец наблюдает за всем на земле и что ничто не случается без Его воли?»

- Пойдём, Даниил, разделим хлеб. А завтра я расскажу тебе, что было дальше.

Они снова направились под навес. Хеттура и две служанки уже накрыли на импровизированный стол, и Исаак ждал их, сидя на своём месте.

- Склоним головы в благодарственной молитве, — сказал Авраам. Он накрыл голову платком, висевшим на шее, и Исаак сделал то же самое. - Благодарим Тебя, Творец неба и земли, за хлеб, который Ты дал нам для поддержания жизни в наших телах. Да будет благословенно Имя Твоё. Аминь.

- Аминь, - повторил Исаак.

- Аминь, - произнёс Даниил.

Отведав тех яств, что приготовила Хеттура, все разошлись спать. Даниила хотели уложить в шатре Авраама, но он отказался и остался ночевать под навесом. Ночь была жаркой, на небе сияли звёзды, и ни одеяла, ни накидки не

требовалось. В этом климате не было нужды строить дома и укрытия, как в России, где прячутся от зимних холодов. Здесь всё было иначе.

Даниил вспомнил Викторию, Максима и Дашеньку. Где они сейчас? Что с ними? Ищут ли они его?

Веки сомкнулись, и во сне он увидел, как они вместе играют в догонялки на

весенней лужайке перед домом. Дети смеялись и бегали друг за другом, а он с Викой стоял в стороне, держась за руки. Во сне Даниил рассказывал Вике, что Бог существует и что Он создал их всех. Что земля - это часть огромной Вселенной, которую Бог сотворил для человека. Виктория смеялась, дёргала его за рукав, потом наклонилась и начала лизать его щёку языком, отчего она стала липкой и влажной.

- Викусь, ты что делаешь? - смутился Даниил. - Дети же рядом.

Он открыл глаза и невольно вскрикнул. От него в сторону шарахнулся верблюд и побежал на своих длинных ногах, петляя между шатрами.

Даниил сел. Щека была липкой и горела от шершавого языка.

- Урод, — прошептал он и, повернувшись на бок, провалился в сон.

* * * * *

Даниил проснулся оттого, что кто-то тронул его за плечо. Он открыл глаза и увидел Исаака, который стоял рядом с глиняным кувшином в руках.

- Отец велел разбудить тебя, - сказал Исаак. - Солнце уже взошло, и мы скоро отправляемся к колодцу, нужно напоить скот, пока не наступил зной.

Даниил сел, потирая лицо. Щека всё ещё саднила после вчерашнего знакомства с верблюдом. Он принял кувшин, сделал несколько глотков прохладной воды и почувствовал, как возвращается ясность. В лагере уже кипела жизнь: женщины доили коз, мужчины седлали ослов, дети гоняли козлят между шатрами. Всё это напоминало неспешный танец, в котором каждый знал своё место.

- Ты хорошо спал? - спросил Исаак, присаживаясь рядом.
- Не совсем, - признался Даниил. - Мне снилась моя семья.
А потом меня разбудил верблюд, лизнув в щёку.

Исаак улыбнулся, и глаза его заблестели:

- Это Тара. Она любит лизать чужаков. Говорят, так она проверяет, добрый ли человек. Если человек злится, верблюд больше к нему не подходит. Если смеётся - становится другом.

Даниил вспомнил, как обругал животное, и почувствовал лёгкий стыд.

- Боюсь, я провалил проверку. Как ты на него не злишься?
- Не переживай, - ответил, улыбаясь Исаак. - Тара уже дважды приходила к твоему навесу и смотрела на тебя. Значит,

ты ей понравился. Я на неё никогда не злюсь. Она добрая и любит людей. Пойдём, отец ждёт...

Весь день они помогали людям поить скот, кормить тех верблюдов и ослов, которые находились дома и не ходили на пастбища.

Даниил и Исаак сдружились, ведь разница в их возрасте была не большая, и они стали добрыми друзьями. Вечером уставшие, но с чувством выполненного долга, они, поев то, что им предложили женщины, направились к шатру Авраама. Старец уже стоял на коленях, расстелив на земле молитвенный коврик. Он не обернулся на шаги, только поднял руку, приглашая их подождать. Даниил замер, наблюдая, как Авраам тихо шепчет слова благодарности, обращаясь к небу. В этом не было ничего показного или театрального - лишь глубокая, искренняя беседа с Тем, Кого он называл своим Богом.

Когда молитва закончилась, Авраам поднялся и повернулся к ним. Лицо его было спокойным, а взгляд - ясным, будто он только что говорил с кем-то живым и невидимым.

- Ну что, Даниил, - сказал он, - готов ли ты услышать продолжение? Сегодня я расскажу тебе, что случилось, когда мы уже три дня шли к горе Мориа.

Даниил кивнул, чувствуя, как внутри закипает нетерпение. Они сели на циновки, и Авраам, помолчав, начал новую

историю - о самом трудном испытании в его жизни, о котором он до сих пор говорил с дрожью в голосе, но и с твёрдой верой в то, что всё было не напрасно.

- Помнишь ли ты, что я говорил тебе об Исааке? - начал Авраам, и голос его был тих, но твёрд. - Когда Господь сказал мне: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака, и пойди в землю Мория, и принеси его там во всесожжение», я не мог поверить своим ушам. Я ждал этого ребёнка сто лет, я видел, как смеялась Сарра, когда родила его, и его имя стало нашим смехом. Но голос, говоривший со мной, не был голосом искушения. Он был тем же голосом, что вывел меня из Ура Халдейского, что обещал мне потомство, многочисленное, как песок морской. И я знал: если Он просит этого, значит, Он знает то, чего не знаю я.

Авраам замолчал, и в тишине было слышно лишь, как ветер шевелит полог

шатра. Он продолжил:

- Мы шли три дня. Исаак был рядом - он нёс дрова на своей спине, а я нёс огонь и нож. Он спрашивал меня: «Отец, вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?» И каждый раз, когда он задавал этот вопрос, сердце моё разрывалось на части. Но я отвечал: «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой». И я говорил это не как ложь, но как пророчество, которое сам до конца не понимал. Я шёл вперёд, но ноги мои были словно из камня. Я знал, что должен сделать, но каждый шаг отдавался болью во

всём теле.

Когда мы поднялись на гору, я сложил жертвенник из камней, которые находил на склоне. Исаак помогал мне - он подавал мне камни, и я видел в его глазах доверие, которое не было слепым. Он верил мне, как дети верят своим отцам, даже когда не понимают их. Я возложил дрова на жертвенник, и тогда я связал Исаака. Он не сопротивлялся. Он смотрел на меня, и в его взгляде не было страха, но было лишь одно: «Я с тобой, отец». И я поднял нож. Рука моя дрожала, но я занёс его, готовый нанести удар, потому что я решил: если Бог просит эту жертву, я отдам Ему самое дорогое, что у меня есть.

И в тот миг, когда лезвие уже почти коснулось кожи моего сына, раздался

голос с неба: «Авраам! Авраам! Не поднимай руки твоей на отрока. Ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня».

Я опустил нож, и слёзы хлынули из моих глаз. Я обернулся и увидел овна,

запутавшегося рогами в кустарнике. И тогда я принёс в жертву овна вместо сына моего, и я назвал то место «Господь усмотрит», как и сказал Исааку. С

тех пор и доныне говорится: «На горе Господней усмотрится».

Даниил молчал, не в силах вымолвить ни слова. Он смотрел на Авраама, и в глазах старца блеснули слёзы, которые

тот не пытался скрыть. Исаак, сидящий рядом, опустил голову, и было видно, что эта история для него - не просто древнее предание, а часть его собственной жизни, шрам, который остался на сердце, но превратился в молитву.

- Ты спрашивал, почему я не злюсь на верблюда Тару, - тихо сказал Исаак, поднимая глаза на Даниила. - После того дня на Мориа, я понял: всё, что происходит с нами, даже самое страшное, может быть испытанием, которое Бог обращает во благо. Я мог бы ненавидеть отца за то, что он был готов сделать, но вместо этого я полюбил его ещё сильнее. Потому что я увидел: он любит Бога больше, чем меня, а значит, его любовь ко мне - не слепая и ненадёжная, а истинная, глубокая, как сама вера.

Даниил долго молчал, переваривая услышанное. Ветер шевелил полог шатра, и где-то вдалеке слышался крик ночной птицы. Наконец он поднял глаза на Авраама и тихо спросил:

- Но как вы не сошли с ума? Как ваш разум выдержал три дня пути, зная, что ждёт в конце? Я бы, наверное, побежал в другую сторону или закричал бы на весь мир, что это несправедливо.

Авраам покачал головой, и в его глазах мелькнула тень давней боли.

- Сын мой, я не скажу тебе, что не хотел бежать. Я не скажу, что мои мысли были чисты и полны лишь веры. Каждую ночь я не спал, глядя на звёзды, и спрашивал Бога: «Зачем?»

Но ответ приходил не словами, а тишиной. И в этой тишине я слышал одно: «Я с тобой. Ты не один». Это было труднее, чем если бы Он дал мне объяснение. Но именно эта тишина научила меня тому, что вера - это не когда ты понимаешь, а когда ты идёшь, даже если дорога ведёт во тьму.

Исаак взял руку отца и крепко сжал её.

- А я, Даниил, хочу сказать тебе вот что. - Сказал Исаак. - Когда отец связывал меня, я мог бы вырваться. Я был молод и силён. Но я видел его лицо - оно было мокрым от слёз, и руки его дрожали. И тогда я понял: он делает это не потому, что жесток, а потому, что его любовь к Богу так велика, что он готов отдать всё. И я подумал: если мой отец так верит, то и я могу довериться ему. Даже если я умру, я умру не в руках врага, а в руках того, кто любит меня больше жизни.

Старик Авраам улыбнулся, и в его улыбке была мудрость, выстраданная годами.

- Знаешь, Даниил, я часто думаю: что бы я делал, если бы Бог не остановил меня? Дошёл бы я до конца? Но потом я понял: Бог проверяет не столько готовность убить, сколько готовность отдать. Он не хотел смерти Исаака. Он хотел, чтобы я умер для своей гордости, для своей уверенности, что я сам творю свою судьбу. В тот день на горе умер не Исаак - умер старый Авраам, который считал, что всё знает. И родился новый - тот, кто научился слушать. И с тех пор я знаю: когда мне кажется, что мир рушится, когда верблюды разбегаются, когда я теряю всё, что имею, я вспоминаю ту гору.

И я говорю себе: «Господь усмотрит». Эти слова стали для меня не просто фразой. Это моё дыхание. Это моя надежда. Потому что даже в самые чёрные дни, когда нет ответов, когда боль разрывает сердце, есть Тот, Кто уже знает, какой будет развязка. И она всегда добрая, Даниил. Всегда.

* * * * *

Он пробудился рано. На востоке едва зарозовела заря, но в лагере уже

чувствовалось движение. Люди выходили из палаток, потягивались и расходились по своим делам. Несколько женщин с кувшинами направились к ко-

лодцу. Овцы блеяли в загонах, словно прося то ли еды, то ли воды.

Даниил сел и огляделся. На небе ещё мерцали звёзды, но стан уже пробуж-

дался. Неподаляку от лагеря он заметил человека, стоявшего лицом к востоку с покрытой головой. Он сразу понял, что это Авраам молится Всевышнему Богу.

Из шатра вышла Хеттура и подошла к Даниилу.

- Как спалось господину? - спросила она.

- О, спасибо, отлично, - ответил он. - Конечно, в кровати удобнее: не мешают разные животные, - попытался пошутить Даниил.

- Что такое «кровати»? - с любопытством спросила Хеттура.

- Ну, это... Это кровать. У нас в России принято спать на кроватях. Вы не знаете, что такое кровать?

- Нет. Это что-то вроде шкур?

- Э-э, нет, - Даниил растерялся. Как объяснить человеку, который никогда не видел кровати, что это? - Это нечто, похожее на лежанку, ну вроде места для сна, только приподнятого над землёй - Удивлённый взгляд показал, что это ей тоже непонятно. - Ну, над землёй. Приподнятое от земли место для отдыха. Чтобы не было холодно от земли.

- Господин имеет в виду ложе? Их ставят в домах, чтобы не было холодно от камня?

- Ну, наверное.

- И у вас все спят на ложах, как египтяне?

- Да, у нас бывают холодные зимы, когда температура опускается до минус двадцати. Тогда, если бы не кровати, люди замёрзли бы.

- «Минус двадцати» - это когда холодно?

- Да, очень холодно. Я понимаю, у вас не бывает зимы, то есть времени, когда очень холодно?

- Нет. Но когда скот гонят пастись в горы, там бывает очень холодно.

К ним подошёл Авраам, держа в руках посох.

- Хеттура, мы с Даниилом и Исааком пройдем на пастбища, вернёмся к вечеру. Если, конечно, Даниил не против.

- Конечно, я с удовольствием пройдуся. Мне интересно посмотреть местность.

К ним присоединился Исаак, и они вместе вышли за стан.

- Может, господин хочет взять посох? — спросил Исаак.

- Нет, спасибо. Но Исаак, не называй меня господином. Я не привык к такому

обращению. Называй меня Даниилом, хорошо?

- Как пожелаете... - ответил он, и они зашагали дальше в предрассветных сумерках.

* * * * *

Когда солнце уже поднялось высоко, они увидели вдали отару. Оказалось, что большая часть скота паслась неподалёку от стана. Километрах в десяти — двенадцати, находилась очень большая отара овец, верблюдов, ослиц. Их пасли пастухи, которые постоянно находились при стаде. Как узнал Даниил, они изредка, по очереди, ходили в главный стан, а остальное время проводили здесь. Увидев, что к ним приближается их хозяин, они вышли его встретить. На углях уже жарилось мясо, и пастухи пригласили всех троих позавтракать.

- Сегодня мы собираемся пройти дальше, господин, - сказал за трапезой смуглый седой еврей. - Мы перегоним стадо ближе к Сихему. Там трава сочнее, я пришлю отрока, когда

мы остановимся.

- Хорошо, Евер. Ты хорошо знаешь эту местность. Пусть Всевышний хранит вас.

Пробыв ещё некоторое время в лагере и решив все вопросы, Авраам и двое его спутников двинулись назад. Даниил удивлялся, как они так легко проходят столько километров пешком, и даже усталости на их лицах не видно. Тогда как он уже запыхался и тяжело дышал.

Даниил видел, что долина утопала в зелени. Но в другую сторону от стана Авраама простиралась пустыня, из которой он пришёл в его лагерь.

«Странный контраст», - подумал он.

Солнце уже клонилось к вечеру, когда они увидели впереди купола шатров.

«Наконец-то, - подумал Даниил. - Наконец-то мы пришли».

Навстречу им выбежала толпа детворы. Они с шумом и гамом окружили их и проводили до самого шатра. Каждый хотел дотронуться до Даниила, и скоро он уже шёл, окружённый детьми, каждый из которых вцепился в его руки, а кому не досталось рук, просто держался за одежду, отчего идти стало намного труднее.

Когда они сели на мягкие шкуры под навесом, он только тут понял, что сильно устал, и пожалел, что зря отказался от посоха. Ноги гудели и болели, словно он пробежал без передышки километров сто. Зато казалось, что Авраам с Исаа-

ком нисколько не устали. Они весело разговаривали и шутили на разные темы. Быстро перекусив, они отправились спать.

Даниил забылся тяжёлым сном. Ему снова снилась его жена Вика и дети, весело играющие в парке с верблюдом Тарой...

Даниила опять разбудили звуки просыпающегося стана. Из шатров выходили люди, разминая затёкшие за ночь руки и ноги.

Посмотрев в сторону восхода солнца, Даниил снова увидел за станом молящегося Авраама. Он одиноко стоял посреди пустыни, но Даниил не сомневался, что сейчас он говорил со своим Богом, и Бог слышал его, а возможно, и отвечал.

Когда Авраам закончил молитву, он подошёл и сел рядом с Даниилом.

- Господь, да будет благословенно Имя Его, хочет, чтобы ты узнал о моей жизни, Даниил, - сказал он. - Сегодня я расскажу тебе, что было, когда я перешёл за Ефрат.

Хеттура уже готовила завтрак. На столе появились сыр, лепёшки, молоко и сухофрукты. Поев, они перешли в тень возле шатра, и Авраам продолжил свой рассказ.

ГЛАВА 4

ХАНААН

В весенний разлив река Евфрат, и без того полноводная и глубокая, вышла за свои обычные границы. Перейти её вброд казалось совершенно невозможным.

На левом берегу собралась большая толпа. Крики верблюдов, блеяние овец, рев ослиц сливались в хаотичный шум, который разносился на многие километры. Люди искали место, где можно было пересечь вышедшую из берегов реку, не рискуя жизнями женщин, детей и скота. Мужчины, ощупывая дно шестами, пытались найти отмель.

Наконец кто-то крикнул:

- Господин, кажется, здесь можно перейти. Сейчас попробую добраться до той стороны.

- Осторожно, Хуш. Течение слишком сильное. Тебя может унести, - сказал Авраам.

- Господин, Хуш не мылся три дня, холодная вода ему не повредит, - выкрикнул кто-то из мужчин. Раздался смех.

Хуш медленно, проверяя дно длинным шестом, не оборачиваясь, крикнул:

- Ты бы, Фирас, лучше помог, чем смеяться. Хотя бы спину мне потёр...

Хохот заглушил ответ Фираса.

- Господин, здесь песчаное дно. - Хуш уже был на середине реки. Вода доходила ему до пояса. - Если дальше будет так же, возможно, мы тут пройдем.

Через пять минут Хуш махал им с другого берега. Шесте-

ро мужчин тоже вошли в воду с шестью. Они начали искать границы брода и втыкали шесты, отмечая безопасный проход.

- Верблюды, лошаки и ослицы пойдут сами, а овец придётся переносить на руках, - сказал Авраам. - Женщины и дети переправятся на верблюдах.

- Да, дядя, - ответил стоявший рядом человек.

- Лот, проследи, чтобы никто не отстал.

- Я всё сделаю, дядя. Переправлюсь последним, когда все пройдут.

Переправа заняла два дня. Перевезя женщин, детей и вещи, мужчины на

руках переносили большое стадо испуганных животных. На другом берегу их

ждали, готовя еду, но шатры не ставили.

Шестеро местных жителей верхом на верблюдах, увидев переправу, подъехали и наблюдали, как переносили овец. Авраам вышел им навстречу, поклонился, приложив руку к груди.

- Евер! - крикнул один из них.

- Еверы, - подхватили остальные.

Они казались удивлёнными, что столько людей и животных смогли пересечь великую реку Евфрат. Не ответив на поклон, они развернулись и, пришпорив верблюдов, ускакали.

- Еверы? - удивился Фирас. - Что это значит, господин?

- Пришедшие из-за реки, - ответил Авраам.

Весть об еверах, пришедших в Ханаан, быстро разнеслась. Люди приходили посмотреть на храбрый народ, который не побоялся перейти реку в разлив. Некоторые знакомились с Авраамом, другие смотрели издали.

На третий день весь стан был готов двинуться вглубь новой страны, куда указал путь Всевышний. Авраам прошёл до города Сихем, до дубравы Море. Там он раскинул шатры.

Ночью, выйдя помолиться, он стоял, подняв руки к небу, благодаря Всевышнего за пройденный путь.

- Аврам, — прозвучал голос в ночной тишине.

- Вот я, Владыка, - ответил Аврам, опускаясь на колени.

- Потомству твоему Я отдам эту землю, - сказал Господь.

- Ничего не бойся. Я твоя защита.

Голос стих. Авраам вернулся в шатёр, лёг к Саре, обнял её и сказал:

- Господь снова говорил со мной. Он обещал эту землю моему потомству. Я верю Ему. Раз Он сказал, так и будет.

- Да будет так, — ответила Сара и крепче прижалась к мужу.

Рано утром Аврам созвал всех на молитву.

- Мне нужны камни для жертвенника и дрова для всесожжения, - сказал он. - Наберите камней и несите ко мне.

Слуги и рабы бросились исполнять приказ. Аврам укладывал камни, образуя помост длиной в четыре и шириной в два локтя, не скрепляя их. Когда жертвенник был готов,

он взял молодую телицу, овцу и горлицу, заколол их. Рабы освеживали туши, вынули внутренности и тук. Мясо возложили на дрова и по
дожгли.

Аврам, стоя перед жертвенником, воздел руки и произнёс:
- Благодарим Тебя, Владыка, за наш переход из Харрана в эту благодатную землю, которую Ты даёшь нам в наследство. Жизни наши вверяем в Твои руки. Да будет благословенно Имя Твоё святое. Амен.

Весь народ повторил: «Амен».

На следующее утро стан собрался в дорогу. Выючные животные ждали хозяев. Когда сборы закончились, все тронулись в путь. Большой караван евреев - так их прозвали люди - численностью в двести тридцать человек отправился осваивать новую землю, данную Богом.

Через пять дней пути они приблизились к Вефилю. Расположившись на отдых к западу от Гая, стан находился в покое три дня. На четвёртый день Аврам поставил Господу жертвенник, принёс дары всесожжения, и на пятый день снова двинулись на юг.

Небольшой народ с огромными стадами проходил Ханаан из конца в конец, останавливаясь на сочных пастбищах.

Племянник Аврама Лот женился на Самаете, приличной девушке из своего рода. Получив от Аврама приданое, рабов и скот, он не хотел отделяться и жил в стане.

Стада овец, по благословию Всевышнего, росли. Уже

было множество скота, который распространялся по обширным пастбищам Ханаана.

Прожив здесь какое-то время, в Ханаан пришёл голод. Самый жестокий из всех, что испытывал мир. Лето было жарким. Трава пожухла, превратившись в сухую солому, которую даже верблюды ели с трудом. Дождей не было давно. Голод поражал и животных, и людей. Не хватало зерна, сухофруктов, вина. Продавцы припрятали запасы для себя.

Аврам, услышав, что люди в Египте живут в довольстве, решил идти туда, чтобы не морить скот голодом.

ГЛАВА 5

ЕГИПЕТ

Территория Египта представляла собой преимущественно песчаные пространства. Пустыня, по которой двигался караван, простиралась бесконечно во всех направлениях. Люди всматривались в горизонт с надеждой, ожидая увидеть оазис или колодец.

Песок затруднял продвижение, рассыпался под ногами, стекая словно потоки воды. Путники выбились из сил после долгой дороги под жгучим солнцем, лишённые укрытия от его палящих лучей. Днём они останавливались, ставили навесы, чтобы спрятаться от зноя, отдыхали, а затем продолжали путь вечером и почти всю ночь. Редкая трава встречалась

лишь изредка, животные были истощены не меньше людей.

Во время длительных стоянок люди копали колодцы. Вода в пустыне ценилась на вес золота. Они уже вырыли два колодца на пути, где пополняли запасы, поили скот и сами пили вдоволь.

На двенадцатый день пути ландшафт начал незаметно меняться. Пустыня постепенно преображалась. Вокруг стали попадаться не только колючки, но и небольшие участки пожухлой, однако ещё свежей травы. Животные ускорили шаг. Они каким-то внутренним чутьём уловили, что впереди есть корм. Стало очевидно, что караван приближается к источнику воды и к конечной цели.

Люди дремали, сидя на верблюдах, покачиваясь в ритм движения животных. У Сары были закрыты глаза. Глядя на неё, на её изящные черты лица, великолепные чёрные волосы, Аврам снова подумал: «Как она прекрасна».

Сара действительно обладала поразительной красотой. Во всём еврейском стане не было женщины красивее. Мало того, она в свои семьдесят пять лет выглядела так, что никто не дал бы ей больше тридцати. Кроме того, у неё было ещё одно достоинство - смирение, послушание мужу и молчаливость.

Авраму казалось, что она спит.

- Сара, - обратился Аврам к жене.
- Слушаю, господин мой, - тотчас отозвалась она.
- Сара, ты прекрасна. Ты очень красива, стройна, и глядя на тебя, любой мужчина может прийти в восторг и трепет.

- Спасибо, господин мой, - ответила Сара, довольно улыбаясь от таких слов.

- Сара, я знаю египтян. У них безумная слабость к женщинам. Когда они увидят тебя, то скажут: «это его жена». И убьют меня, а тебя заберут в наложницы или рабыни. Они всегда добиваются своего, если чего-то сильно хотят, потому что ненасытны в плотских желаниях. Ни в одной земле не было женщины, равной тебе красотой. Но теперь мы входим в страну, населённую смуглыми и темнокожими людьми, поэтому твоя красота станет ещё ослепительнее и заметней. Египтяне безжалостны, и чтобы овладеть тобой, они попытаются убить меня. Если тебя спросят, скажи, что ты моя сестра. Тогда будет хорошо и тебе, и через тебя мне.

И действительно, по сравнению с Сарой не только тёмные египтянки, но и все остальные женщины выглядели непримечательными и безликими.

Безнравственность египтян была хорошо известна Авраму. И всё же он не колебался, стоит ли входить к ним, потому что знал, что его охраняет Господь.

- Хорошо, - ответила Сара. - Как скажешь, мой муж. Скажи, а их страна красива? Мы до сих пор видим только песок и колючки.

- Когда мы дойдём до устья Нила, ты сама увидишь. Там действительно красиво. И трава там сочная. Будет где пасти скот.

Впереди показались высокие деревья и финиковые паль-

мы. Пустыня постепенно переходила в равнину с кустарниками и деревьями. Было видно, что скоро появится река. Всё больше песок уступал место земле, на которой росли пышные травы — настоящий рай для животных. Овцы всё больше замедляли движение каравана, потому что после долгого перехода, после сухой редкой травы пустыни, хотели наесться досыта.

Ещё через пару часов пути перед путниками открылась прекрасная равнина, утопающая в густой сочной траве.

Аврам, едущий впереди каравана, остановил верблюда. Животные разбрелись, утопая по колено в высокой траве.

- Привал, - крикнул Аврам. Караван остановился. Люди слезали с животных, которые, почуввав свободу, с жадностью набрасывались на траву.

Аврам решил остаться на этом месте, пока животные и люди не окрепнут, и только после этого углубиться в чужую страну.

На третьи сутки, рано утром, отдохнувшие люди уже собирали поклажу, готовые двинуться в путь. Животные, наевшись, мирно лежали и жевали жвачку, верблюды нетерпеливо ходили взад-вперёд в ожидании дороги.

Как только солнце поднялось над горизонтом, караван двинулся дальше, приближаясь к главному городу Египта — Цоану.

Дойдя до Мемфиса, Аврам остановился у стен города.

Сев на ослиц, они с Сарой, Лотом и пятью рабами напра-

вились к воротам,
чтобы приветствовать жившего там наместника фараона.
Весь город пришёл в движение. Прибывших людей приняли за вражеское войско, готовое напасть. Ворота закрыли на засовы, в бойницах виднелись вооружённые воины.

Подойдя к воротам, Аврам слез с ослицы и поклонился до земли. Потом

встал, прижал руку к груди и стал ждать.

- Кто вы? - слышалось со стен.

- Мы рабы ваши, скотоводы из земли Ханаанской. В нашей земле случился великий голод, и мы прибыли смиренно просить разрешить нам пожить у вас, чтобы нам не умереть и жива была душа наша.

Ворота, скрипнув, отворились, и навстречу вышел наместник фараона, за его спиной стояли подданные, с подозрением осматривая гостей.

Аврам снова поклонился и сказал:

- Я Аврам-еврей, а это моя сестра Сара и мой племянник Лот. Мы мирный народ. Разрешите преподнести вам наши дары.

Рабы, стоявшие сзади, вышли вперёд. У них на руках были белоснежные овечьи шкуры, каракуль, а также в ларцах золото и серебро.

Увидев дары и прекрасную женщину, наместник заулыбался.

- Проходите, будьте моими гостями. Я Аптамитех, наместник фараона в этой земле. — Хлопнув в ладоши, он повернулся и пошёл в город. За ним тронулся Аврам со своими людьми. Слуги Аптамитеха взяли дары у рабов, и те вернулись в свой стан.

Вечером Аврам, Сара и Лот вернулись домой довольные и радостные.

- Елиезер, можно ставить шатры. Вся восточная сторона отдана нам. Мы можем поселиться здесь надолго, пока не придёт пора возвращаться в Ханаан.

Весть об Авраме и красоте жены его Сары быстро разлетелась по всему Египту. Вельможи фараона из соседних городов приходили в Мемфис, чтобы самим увидеть людей из Ханаана и посмотреть на красавицу сестру Авраама. Лот смотрел за стадами своими и дяди, вовремя переводя скот на лучшие пастбища.

Прожив в Египте год и пася скот, Аврам имел всё необходимое для себя и

своих людей. Пастбища Египта были обширны и богаты сочной травой. Его стада умножались, и Бог был с ним во всём, что бы он ни делал.

Однажды Аптамитех позвал его на пир. Взяв дары: шкуры и фрукты из садов,

Аврам пришёл к нему вместе с Сарой.

- Аврам, — сказал наместник.

- Я слушаю, господин мой.

- Я был у фараона. Ему очень хвалили твою сестру Сару. Все удивляются её красоте. Фараон хочет познакомиться с тобой и твоей сестрой. Завтра мы выезжаем в Цоан. Нас там ждут.

* * * * *

В приемном зале правителя Египта собрались сановники и представители знати. Они ждали прибытия Аврама из Ханаана и его спутницы Сары. Среди присутствующих были те, кто уже встречался с Аврамом, а также те, кто сгорал от любопытства, желая лично увидеть женщину, о красоте которой ходили слухи. Фараон сидел на троне, украшенном резьбой с изображением бога Ра. Рядом с ним находилась царица, одетая в тонкий шелк, доставленный из Персии. По обе стороны от них стояли слуги, обмахивая господ опахалами¹.

Зал украшали рисунки и иероглифы. На стенах висели ковры ручной работы. Возле каждой колонны застыли рабы, держащие штандарты² и знамёна. Вельможи тихо переговаривались, коротая время до прихода гостей.

Наконец створки дверей распахнулись, и на пороге показались Аптамитех, Аврам и Сара, за которыми следовали трое слуг. Разговоры смолкли, все взгляды обратились к вошедшим. Аптамитех, заметив знакомого, сразу ушел в толпу. Аврам и Сара направились к трону. Опустившись на колени, они поклонились до земли, и Аврам произнес:

- Живи вечно, царь. Пусть твои дни будут наполнены благами этой плодородной земли.

- Кто вы? - раздался вопрос фараона.

-Мы твои рабы. Я Аврам-еврей, скотовод из Ханаана. В нашей стране засуха, и мы пришли просить у тебя милости. А это моя сестра Сара._____

¹Опахало - приспособление в виде веера больших размеров из веток, перьев и т. п., насаженного на длинную рукоятку, которым на Востоке обмахивают, желая создать прохладу или отогнать насекомых

²Штандарт - это символ верховной власти фараона и его божественного происхождения. Это не просто знамя, а сакральный объект, подчёркивающий связь правителя с богами.

- Встаньте, - сказал фараон. - Подойдите.

Они поднялись и приблизились. Фараон, удивленный, заметил:

- Твоя сестра прекрасна. Мне говорили о ее красоте, но не передали и сотой доли.

Щеки Сары вспыхнули. Она стояла, скромно опустив голову, не показывая эмоций.

- Аврам, моя страна перед тобой. Паси скот где хочешь. Я дам тебе золото и серебро. Все, что пожелаешь, будет твоим. Но твою сестру я возьму в свой дом.

- Как пожелает царь, - смиренно ответил Аврам.

Фараон хлопнул в ладоши:

- Принесите дары для Авраама. А Сару проводите в её покои.

Из-за колонн вышли две рабыни, жестом указав Саре путь. Двое рабов принесли дары для Авраама.

Потом фараон с Авраамом долго рассуждали о том, где Аврааму пасти скот, а также о других насущных делах. По прошествии часа они закончили.

Хлопок в ладоши положил конец аудиенции.

Слуги Авраама приняли подарки, и все направились к выходу.

Во дворе Аврам поднял руки к небу:

- Владыко Господи, будь моим заступником.

Он поставил шатер рядом с городом. Лот тоже пришел с ним, желая увидеть величественные города. Когда Аврам вернулся без Сары, Лот спросил:

- Где Сара?

- Осталась во дворце. Фараон взял ее в наложницы.

- Что нам теперь делать, дядя?

- Будем ждать. Всевышний не даст нас в обиду. Я доверяю Богу. Ничего плохого не случится.

Вечером Сару отвели в купальню. Две рабыни вымыли ее, натерли ароматными маслами, одели в тонкий шелк и украсили золотом.

- Эти дары от фараона, - сказала молодая рабыня. - Вы прекрасны, госпожа.

- Как тебя зовут? - спросила Сара.

- Агарь, госпожа. Меня и Лилу фараон подарил вам в знак уважения. Если что-то понадобится, хлопните в ладоши.

- Спасибо, - ответила Сара.

- О, госпожа так добра.

- Агарь, что фараон собирается делать? Когда он позовет меня?

- Никто не знает. У нас правило: никто не заговаривает с фараоном, пока он не укажет на него скипетром. Иначе отрубят голову.

- Жестокие у вас порядки.

- Да, но мы привыкли. А наложницы должны тридцать дней омываться и ума

щаться маслами. Египтяне не выносят запаха пастухов. Сначала вы должны смыть его. Пойдемте, я отведу вас в покои.

В тот вечер фараон лег спать поздно. В постели его ждала наложница. День удался, он был в хорошем настроении. Он заполучил в гарем еще одну красавицу.

«Пусть привыкнет, омоется, - думал он. - Через тридцать дней я ее вызову. Как она прекрасна. Теперь можно отдохнуть. Я наместник Ра на земле, все для меня».

Рабыни помогли ему раздеться, и он нырнул под легкое покрывало. Через десять минут ласк он понял, что сегодня ничего не получится.

«Странно, - подумал он. - Наверное, устал. Хотя раньше

такого не было. Завтра наверстаю».

Повернувшись на бок, он заснул.

Но ни на следующий день, ни через день ничего не изменилось. Фараон звал одну наложницу за другой, но все тщетно. Женщины уходили расстроенные, думая, что разонравились ему.

* * * * *

Прошло две недели. Государственные дела требовали внимания, но фараон уставал. Он не мог спать ни с одной из наложниц. Уныние и страх одолевали его. Фурункулы поразили его, вельмож и рабов. Язвы были повсюду, даже на стенах дворца. Страх нападал на царя при мысли о Саре.

На семнадцатый день он вызвал врачей и жрецов.

- Если за два дня не поймете, что со мной, каждому третьему отрублю голову.

В зале поднялся гомон. Все обсуждали угрозу.

- Господин, принеси жертву богам, - сказал один жрец. - Они ответят.

- Готовьте жертву, - приказал царь. - На закате принесем ее.

Вечером жрецы и чародеи собрались у жертвенника в храме Ра. Рабы притянули за верёвки двух коров, которые упорно не хотели идти, как будто понимая куда их ведут. Жрец вынул нож. Кровь первой коровы окропила жертвенник.

- Ра, - произнес он. - Прими эту жертву, и пошли нам знак. Открой тайну твоим рабам и объясни, что происходит с нашим господином фараоном и всем двором.

Вторую корову принесли в жертву Сэту.

- Будь милосердным и скажи, что делать.

Туши положили на дрова, и костер запылал. Фараон повернулся к жрецам:

- Завтра жду вас. И да будут боги добры к вам. Иначе... вы знаете.

Ночью, когда очередная наложница ушла ни с чем, он лег поздно. Мысли роились. Почему после хороших дней начались проблемы?

Что он сделал не так? Мысли возвращались к Саре. Неужели из-за нее? Но ее брат согласился. Принял дары. Думая о ней, он дрожал. Она прекрасна, но она его пугает.

Под утро он забылся тяжелым сном. Солнце уже высоко поднялось над Нилом, когда он проснулся. Голова болела. Открыв глаза, он застонал. Рядом появились рабыни. Омывшись водой из Нила, он почувствовал себя лучше. Одевшись, он вошел в зал, где ждали жрецы.

В огромном зале у стен, расписанных иероглифами, стояли воины с оружием. Все ждали властелина. Когда фараон вошел, все упали на колени. Каждый знал: заговорить без разрешения - лишиться головы. Все терпеливо ждали.

- Встаньте, - раздался голос. - Что скажете? Говорили ли с вами боги?

Он указал жезлом на главного старого жреца.

- Говори.

- Господин, - побледнев, произнес жрец. - Да будут дни твои счастливы. Ночью боги говорили со мной. Если позволишь, передам ответ Ра и Сэта.

- Я слушаю.

- Да не прогневается мой господин, но боги сказали: все беды начались с того дня, как в дом вошла новая наложница. Она не сестра еврею, а жена. Ты разгневал богов взяв её в гарем. Она и Аврам под их защитой.

- Да как ты смеешь! - вскричал фараон вскочив с трона.

Старик рухнул на пол, поклонившись до земли. Рядом упали остальные жрецы.

- Не гневайся, владыка. Я лишь смиренно донёс до тебя ответ богов. Они

благоклонны к этим людям. Пока ты не вернёшь законную супругу её мужу, тебя будут постигать беды, и кара небес не заставит себя ждать.

Фараон тяжело опустился на трон.

- Всем ли известен ответ богов? Так ли это? Правда ли Сара - жена еврею, а не сестра?

Все закивали, не поднимая голов от пола.

- Передайте Саре, я желаю говорить с ней, - молвил фараон рабам, и они бросились исполнять приказ господина.

- Что ж, - обратился он к жрецам. - Вижу, вы вправду бесе-

довали с богами. Если это истина, я вас одарю... жизнью. Если ложь - казню каждого третьего. Сейчас мы узнаем правду.

Затем, повернувшись к воинам, он повелел:

- Сыщите и приведите сюда еврея, но не причиняйте ему вреда.

Воины тотчас ринулись выполнять приказ. Все знали, сколь жесток их господин во гневе. Потому лучше было исчезнуть с глаз долой, пока он не начал изливать ярость на всех вокруг.

Аврам шестнадцать дней пребывал в молитве. Каждый вечер он выходил из шатра, обращался лицом к востоку и взывал к Владыке неба и земли, прося сохранить жизнь ему и его любимой жене Саре. Сердце его ныло от тоски. Но что он мог поделать? Разве смел он перечить фараону? Если бы тот не получил желаемого, Аврама, верно, уже не было бы в живых. Единственной надеждой был Бог, говоривший с ним, и обещавший произвести от него многочисленный народ. Лишь Он мог всё исправить. Аврам доверял Богу. Все свои беды он возлагал на Него, веря, что Бог не оставит его в трудный час.

Лот сильно переживал, поддерживая дядю в молитвах. Он страшился не за себя, а за сестру, которую удерживал фараон. Он тоже любил её. Никогда ещё он не горевал так сильно. Неизвестность пугала больше всего. Как она там? Неужели фараон надругался над ней? И как поступит Аврам дальше? Вернётся в свой стан или будет ждать, пока не иссякнет надежда?

Утро семнадцатого дня было таким же, как прежние. Аврам стоял в молитве неподалёку от шатра. Лот сидел у входа, наблюдая за ребятишками, что резвились и купались в Ниле. В первый день, когда слуги поставили шатёр, дети не отходили от них. Им было интересно всё: и странная одежда чужаков, и финики со смоквами, которыми те их угощали. Каждый день они прибегали к шатру за новой порцией фруктов.

Во второй половине дня из городских ворот выехали четверо всадников.

Без колебаний они направились к шатру Аврама. Все знали, где остановился пришелец. Из-под копыт скачущих коней поднималась пыль.

- Дядя, - крикнул Лот. - Кажется, к нам.

Аврам снял с головы платок, обернулся и всмотрелся в приближающихся всадников.

Подъехав, они спрыгнули с коней, подбежали к Авраму, встали на одно ко-

лено, прижав правую руку к груди и опустив голову.

- Господин, - произнёс один из воинов. - Фараон зовёт тебя к себе. Он в гневе.

Аврам повернулся к Лоту:

- Молись, сын мой. И Всевышний благословит всех нас. Милость Его велика, да будет благословенно Имя Его вовеки.

Затем он развернулся и пошёл за всадниками, которые,

вскочив на лошадей, медленно двинулись перед ним.

Фараон вошёл в покои Сары. Она стояла на коленях, склонившись в поклоне, ожидая его обращения. Указав на неё жезлом, с которым никогда не расставался, фараон произнёс:

- Вы обманули меня. Ты и твой муж. Зачем вы так поступили? Разве я сделал вам зло?

- Нет, господин.

- Тогда почему вы обошлись со мной так? Я не желал вам зла, хотел породниться с твоим мужем, и по неведению едва не совершил преступление, взяв у мужа его жену...

- Господин, что мне сказать? Вот наши жизни в твоих руках, - она ещё ниже склонилась. - Правда Аврам мне муж. Но я уверена: он не желал зла. Если он и виноват, то лишь в том, что боялся за свою жизнь. Перечить фараону не осмелится никто. Если бы он отказал тебе и сказал правду, были бы он сейчас жив?

Фараон задумчиво стоял, глядя на красивую женщину, обдумывая её слова.

- Я послал за ним. Скоро он будет здесь. Я верну тебя ему и прошу: скажи, что я и пальцем тебя не тронул. Мы поговорим с ним, потом тебя выведут к нему.

Сказав это, фараон развернулся и вышел.

Сара села на лежак. Руки её дрожали. Сейчас всё могло пойти негладко, и

они с Аврамом могли лишиться голов. Видно, Бог правда

заботится о них, раз
так расположил сердце фараона.

* * * * *

Огромные двери в приёмную залу фараона открылись с тихим стуком. Войдя, Аврам увидел множество народа. Здесь собрались наместники и жрецы, в стороне стояли женщины, желавшие взглянуть на того, кто осмелился обмануть самого фараона. Медленно он приближался к трону величайшего человека во всём Египте. Мысли его были обращены к Богу. Он молился в душе: «Владыко, Господи. Ты моя защита. Лишь на Тебя уповаю. Будь со мной в этот час».

Перед троном он опустился на колени, ожидая обращения.

Фараон пристально смотрел на человека перед собой и не спешил заговорить. Прошло минут пять, прежде чем раздался голос:

- Ты обманул меня. - Аврам молча слушал. - Я отнёсся к тебе милостиво. Разрешил пасти стада на моей земле, а ты так поступил со мной. Знаешь ли, что боги наказали меня за то, что я взял твою жену в свой гарем? Но мои руки чисты. - Фараон поднял руки к небу. - Я не сделал зла твоей жене, не обесчестил её. Боги воспротивились. Почему ты так поступил, Аврам? Говори. - Он указал на него жезлом.

- Мой господин, — ответил Аврам. - Я знал, что египтяне

любят красивых женщин. Я боялся за свою жизнь. Если бы все узнали, что Сара мне жена, меня убили бы, а её забрали в наложницы. Да она и так сестра мне: дочь отца моего, но не дочь матери. И как я мог противиться твоей воле? Жизнь моя в руках твоих, как тогда, так и сейчас.

Аврам замолчал. В зале воцарилась тишина. Все устремили взор на владыку Египта, ожидая решения. Минуты тянулись.

- Вот моё повеление, - громко произнёс фараон. - Принесите дары Авраму, и отдайте жену законному мужу, - он ударил в ладоши. - И никто не должен делать этому человеку зла, ибо он под моей личной защитой и защитой богов. Возьми свою жену, Аврам, и можешь идти. Всё, что я подарил ей, она может забрать. Рабыни, которых я дал, могут уйти с ней. Паси свой скот на моей земле сколько нужно, а потом возвращайся в землю твою. Никто тебя не обидит в моих владениях.

Фараон встал, показывая, что аудиенция окончена. Аврам тоже поднялся.

Зал наполнился гулом. Все обсуждали повеление господина.

Привели Сару, которая кинулась в объятия мужа. Рабы вынесли ларец с золотом и серебром и вручили Авраму. Поклонившись фараону до земли, они с Сарой, обнявшись, вышли из зала.

Возле шатра, где Аврам оставил Лота, их встречали слуги

и сам Лот, который был очень рад за сестру.

Собрав шатёр, все двинулись в путь, к своему стану у города Мемфиса, где их давно ждали люди. Вместе с Сарой пошли две рабыни, подаренные фараоном: Агарь и Лила. Все были счастливы. Аврам с Сарой радовались, что снова вместе. Агарь и Лила — что вырвались из жестокого замка, где на каждом шагу

им грозила смерть. Сара была добра к ним, и они отвечали ей тем же.

Вернувшись в стан, их встретил домоправитель Елезер, на которого всё оставил Аврам. Все радовались возвращению господина и госпожи. Из уст в уста передавалось, как Бог сохранил Сару и Аврама.

Пробыв ещё три месяца в пределах Мемфиса, Аврам, попрощавшись с Аптамитехом и одарив его за доброе отношение, двинулся на юг, назад в землю Ханаанскую.

После того как фараон возвратил Сару, слава Аврама разнеслась по всему свету. Все восхищённо восклицали: «Даже египтяне, сведущие в колдовстве, не могли причинить вреда Авраму и Саре».

Проходя тем же путём, что и год назад в Египет, они снова пришли к колодцам, которые рыли в дороге. Почистив их и наполнив сосуды водой, они углубились в пустыню, с надеждой глядя вперёд, в землю, которую обещал им в наследство Бог.

ГЛАВА 6

ВОЙНА

В ту пору Аврам владел огромным богатством: множеством скота, серебра и золота. Он продолжал свой путь с юга до Вефиля, туда, где прежде стоял его шатёр между Вефилем и Гаем, где он впервые соорудил жертвенник. Там Аврам воззвал к имени Господа, принёс жертву и возблагодарил Его за всё что Бог даровал ему.

У Лота, племянника Аврама, который шёл вместе с ним, также имелись овцы, козы, крупный рогатый скот, верблюды и шатры. Стада обоих стали столь обширны, что животные расходились на многие километры. Пастухи не раз ссорились из-за лучших пастбищ: где трава гуще, там и скот становился упитаннее. Не нужно было часто кочевать. Однажды у колодца разгорелся спор: каждый хотел напоить своих овец первым. Ссора переросла в драку.

Аврам слышал об этом. Прежде чем действовать, он помолился Богу, а затем позвал племянника. Когда Лот вошёл в шатёр, Аврам сказал:

- Сын мой. Ты знаешь, что я отношусь к тебе как к родному сыну, ведь Всевышний не дал мне детей. Я люблю тебя всем сердцем. Но у тебя свои люди и шатры. Пусть не будет раздора между мной и тобой, между моими пастухами и твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобой?

Отделись от меня. Если ты пойдёшь направо, я - налево. Если ты - налево, я - направо.

Лот молча выслушал дядю. Затем с грустью ответил:

- Да, дядя. Я согласен. Наши стада так велики, что не могут пастись вместе. Какую землю ты дашь мне для переселения?

- Пойдём, сын мой.

Выйдя из шатра, Аврам повёл его на холм, возвышавшийся неподалёку. С вершины открывался вид на всю округу.

- Смотри, сын мой. Вся земля перед тобой. Выбери место, которое тебе понравится.

Лот огляделся и заметил, что окрестность Иорданская была благодатна: она орошалась водой до самого Сигора. Перед ним лежали города Содом и Гоморра, богатые и процветающие.

- Дядя, если ты не против, я поселился бы здесь, рядом с этими городами.

- Хорошо, Лот. Да будет так. Ты сам выбрал эту землю. Возьми свой народ и ступай.

И Лот отделился от Аврама, двинувшись к востоку — вместе с людьми и стадами в окрестности Иорданские, близ Содома и Гоморры. Аврам же остался жить в земле Ханаанской.

На следующий день Аврам поднялся на гору, чтобы помолиться.

- Господи, Вседержитель земли! Даруй Лоту своё благословение. Дай ему всё необходимое для жизни в той земле, которую он избрал. Помоги ему не очерстветь душой. Пусть его жизнь будет светлой и счастливой. И мне дай, Господи, мудрость и Твоё благословение жить в земле, которую Ты дал мне.

- Аврам, - раздался голос.

Аврам упал на колени.

- Слушаю Тебя, Владыко...

- Аврам, подними глаза и с места, где ты стоишь, посмотри на север и юг,

на восток и запад. Всю землю, которую ты видишь, Я дам тебе и потомству твоему навеки. Я сделаю твоё потомство как песок земной. Если кто может сосчитать песок, то и потомство твоё сочтено будет. Встань, пройди по этой земле в длину и ширину, ибо Я отдаю её тебе.

Голос смолк. Но Аврам не спешил вставать. Его сердце трепетало от беседы с Богом небесным. Слёзы благодарности текли по его щекам. Он знал: Бог с ним. Аврам понимал, что Господь всегда будет рядом, ибо Его слова непреложны. Сквозь затуманенные слезами глаза он вдруг увидел многочисленный народ — люди двигались, жили своей жизнью. Он понял, что в этом видении перед ним его потомки, которые заселят эту землю после его смерти. Их поведёт Всевышний, и Он не оставит их, потому что они — его дети, дети Аврама. Народ был так велик, что покрывал всю землю,

на которой стоял.

- Да будет Имя Твоё прославлено, Владыко, - прошептал он, зная, что Господь услышал.

Вернувшись в шатёр, он обнял Сару.

- Господь говорил со мной. Он снова подтвердил, что даёт нам эту землю. На ней будут жить наши дети и дети наших детей. Я это видел, Сара. Их будет много, как песок морской. Это наши потомки. И эта земля будет принадлежать им. Сара, позови Елиезера - мне нужно дать ему распоряжения.

Сара вышла из шатра. В стане все занимались делами.

- Агарь! - крикнула она.

Из-за шатра появилась рабыня.

- Я здесь, госпожа.

- Агарь, найди Елиезера и скажи, что господин ждёт его.

- Да, госпожа, - ответила рабыня и быстро убежала.

Спустя короткое время в шатёр вошёл Елиезер.

- Ты звал меня, господин?

- Да, Елиезер. Распорядись. Завтра мы покидаем это место. Выдвигаемся в Хеврон. С первыми лучами солнца мы должны быть в пути.

- Слушаюсь, господин, - ответил слуга и вышел.

Утром весь стан тронулся в путь. Переход занял четыре дня: со скотом

приходилось двигаться медленно. Вечером четвёртого дня караван остановился в пределах Хеврона, у дубравы Мамре. Там Аврам воздвиг жертвенник Господу и принёс все-

сожжения.

* * * * *

- А как же Лот? - поинтересовался Даниил. - Вы поддерживали с ним связь после того, как расстались?

Авраам улыбнулся и ответил:

- Лот пережил много страданий и трудностей. Никто не мог предвидеть, что с ним случится в те дни. Завтра я поведаю тебе, через что ему пришлось пройти. А сейчас давай отойдём ко сну. Мы с Исааком прогуляемся перед тем, как лечь. Ты тоже можешь, подобно нам, воздать хвалу Господу за всё, чем он нас одаривает. Ведь лишь по Его святому велению мы существуем на этой земле. По Его воле мы обретаем всё нужное для жизни. Спокойной ночи, Даниил. Пусть Всевышний бережёт тебя.

С этими словами Авраам поднялся, и Исаак тоже встал. Вместе они направились за пределы лагеря.

Хеттура, глядя им вслед, произнесла:

- Мой господин Авраам разумен и честен. Всё это он обрёл от Всевышнего, потому что Тот дарует мудрость и знание истины. Мы недавно живём с господином, но я его уже знаю очень хорошо. После смерти Сарры, своей первой жены, он очень горевал и оплакивал её. Потом, спустя годы, он женился на мне.

- Знаете, Хеттура, - сказал Даниил, - порой мне кажется,

что всё это происхо-

дит не со мной. Уже почти год я нахожусь здесь, у вас, а ощущение, что это нереально, всё ещё живо. Я многое увидел, я привык к жизни кочевника. Сначала мне было непросто, но я освоился. И, знаете, мне кажется, я начинаю понимать, зачем Бог направил меня к вам. Чтобы я узнал о Нём и постиг Его как Бога из первых уст. Раньше для меня Бог был сказкой для стариков и детей. Теперь же я осознаю, что Он - живой Бог, как Он велик и всемогущ. Ещё я понял, что Его слова неизменны. Если Он что-то пообещал, то непременно исполнит. Ведь Он не человек. Он не способен лгать.

- Да, это верно. Хотя порой от обещания до выполнения проходит много времени. Человек может забыть о своём обещании, но Всевышний помнит Свои. Запомни и ты, Даниил. Прежде чем давать обещания, нужно понимать, что ты их сдержишь. Тем более если даёшь обещания Господу. Спокойной ночи, Даниил.

Хеттура вошла в свой шатёр, и Даниил остался под навесом один. В его голове проносились сцены из жизни Авраама и его народа. Затем он размышлял о Всевышнем Боге и о милостях, которые Тот даровал Аврааму.

На небе одна за другой загорались звёзды, и, глядя на них, Даниил подумал, насколько же велик Бог, если Он сотворил такие огромные планеты и светила. И как Он, должно быть, милосерден, если заботится о Своём творении и позволяет жить на земле тем, кто не признаёт Его.

Даниил снова посмотрел в небо, опустил на колени, и с его губ впервые в жизни сорвались слова молитвы:

- Бог Авраама, Господь неба и земли. Я сознаю, как Ты велик, хотя это непостижимо для меня. Я понимаю, почему Ты отправил меня сюда. Ты хотел, чтобы я своими глазами увидел того, кого Ты избрал, чтобы о Тебе узнали многие народы. Спасибо Тебе, что Ты открыл мои глаза, и я увидел и понял, что Ты есть, и что Ты - Великий Бог. Если возможно, дай и мне Твоё благословение и Твою милость. Я тоже хочу быть послушным Тебе и оказаться среди избранного Тобой народа. Сохрани мою жену и детей. Помоги им. И, если мне не суждено увидеть их, Сам позаботься о них. Спасибо Тебе за всё.

Даниил лёг. В его сердце зажглась любовь к Богу, которого он узнал благодаря Аврааму. Жизнь обрела смысл. Теперь он понимал, что жизнь дана ему не для праздных удовольствий, а для того, чтобы он узнал и постиг великого Бога, Которому он не безразличен.

* * * * *

- Итак, что же случилось с Лотом? - повторил Даниил свой вопрос на следующее утро, когда они вернулись с пастбищ, пообедали и лежали в тени навеса.

- Его взяли в плен. Он оказался в плену у пяти царей: Кедорлаомера, Фида-
ла, Амрафела и Ариоха, которые пошли войной на царя

Содомского Беру и Гоморского Биршу, с которыми вышли ещё три царя: царь Адмы, царь Сигора и царь Севоимский которые были с ними. Четыре царя против пяти. И цари Содома и Гоморры проиграли битву. Они обратились в бегство, и победители забрали всё имущество Содома и Гоморры, а также все их запасы и ушли.

* * * * *

Аврам отдыхал в своем шатре в компании давних друзей - Анера, Эшкола и Мамрия. Те пришли навестить его после знойного дня, когда все утомились от обычных забот. Их дружба длилась уже многие годы.

При первой встрече Аврам поведал им о Боге, о Его величии и о том, как Всевышний оберегал его и его народ в скитаниях. Мамрий и Эшкол сразу поверили ему. Аврам был известен как человек добрый, правдивый и миролюбивый. Он всегда проявлял доброту к соседям. Узнав о Боге, они без колебаний приняли слова Аврама, ведь до них доходили слухи о его путешествии в Египет и о том, как Бог спас его от фараона. Они часто навещали его, чтобы услышать рассказы о Всемогущем, и однажды привели с собой Анера. Анер тоже проникся симпатией и уважением к Авраму, видя в его словах искренность и ту теплоту, с которой тот относился к каждому человеку.

Пока они мирно беседовали внутри шатра, в стане под-

нялся шум. Послышались крики и суета. В шатер вбежал Елиезер, поклонился и произнес:

- Господин, прибыл человек из лагеря Лота. Он ранен. Говорит, что с их господином стряслась беда.

- Ведите его сюда, быстро, - приказал Аврам. Все поднялись с мест в ожидании вестника.

Елиезер вышел и через минуту вернулся с человеком в окровавленной одежде. Халат на нем был разорван, на голове запеклась кровь. Человек упал на колени.

- Говори, - велел Аврам.

- Господин! Четыре царя пошли войной на Содом и Гоморру. Они захватили

города, забрали все, что можно: людей, скот, имущество. Господин наш Лот попал в плен. Его увели вместе со всем, что у него было. Я один спасся.

- Елиезер, накорми этого человека, перевяжите его раны. И быстро собери всех.

- Аврам, их там тысячи. Это целое войско. У них обученные солдаты, привыкшие убивать, - заметил Анер.

- А с нами Бог. Всевышний дарует мне победу. Я не могу бросить своего племянника. Я люблю его.

- Тогда, Аврам, мы идем с тобой, - сказал Мамрий. - Мы не оставим тебя одного.

- Спасибо, друзья. Нужно действовать быстро, пока они не ушли далеко. Мы догоним их, и да поможет нам Господь...

На улице их уже ждали слуги и рабы. В руках у них были мечи и луки.

- Я никого не заставляю идти силой, - крикнул Аврам. - Кто хочет, может остаться. Остальные седлайте верблюдов и лошаков. Мы сейчас же выступаем.

- Мы все с тобой, господин.

- Нет. Те, кто недавно женился, должны остаться. Отроки тоже не пойдут. Пойдут только те, кто рожден в доме моем. В путь. Всевышний будет нам защитой.

Собралось триста восемнадцать человек. Вместе с ними выступили и друзья Аврама.

Наспех собранный отряд отправился в ночь, чтобы выручить Лота и его людей.

Всю ночь и день они преследовали врагов и наконец настигли их у города Дана. Разделившись, они ночью напали на стан. Цари праздновали победу. Все в их лагере были пьяны, не ожидая нападения. Когда небольшой отряд с криками ворвался ночью в спящий стан, враги подумали, что это огромная армия. Страх охватил их, и они бросились бежать. Всю ночь Аврам преследовал их, разя, до города Ховы, что слева от Дамаска. Он захватил все награбленное имущество. Также освободил Лота, его людей и весь народ, захваченный царями.

Аврам показал, что победа зависит не от численности войска, а от мужества и храбрости: он одолел огромное вражеское войско, имея лишь триста восемнадцать слуг и трех дру-

зей.

После того как Аврам спас пленных содомитян, попавших в руки ассирийцев, и своего родственника Лота, он мирно вернулся домой. Царь Содомы вышел ему навстречу у места, которое называют Царской равниной. Здесь Аврама встретил царь города Солима - Мельхиседек. Его имя означает «праведный царь», и все признавали его таковым, ибо он был служителем Господа Бога. Мельхиседек радушно встретил людей Аврама и доставил им множество припасов еды. Во время пира он стал прославлять самого Аврама и восхвалять Господа Бога, даровавшего ему победу. Когда Аврам предложил ему десятую часть добычи, тот принял дар. В это время царь содомитян уговаривал Аврама оставить себе добычу и вернуть ему только его людей. Аврам повернулся к нему и сказал:

- Поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки или ремня от обуви не возьму из твоего, чтобы ты не сказал: «Я обогатил Аврама». Кроме того, что уже пошло в пищу людям, и небольшой доли каждому из участвовавших со мной союзников. Анер, Эшкол и Мамрий пусть возьмут свою долю.

Затем Аврам с друзьями и слугами возвратились домой. Когда они увидели дубраву Мамре, весь народ вышел встречать их. Сара обняла мужа и сказала:

- Я тревожилась о тебе, мой господин.

Аврам улыбнулся и ответил:

- С нами был Господь. Это Его победа.

ГЛАВА 7

ПРОРОЧЕСТВО

После возвращения из успешного военного похода Аврам снова поселился у дубравы Мамре, неподалеку от Хеврона. Его племянник Лот также вернулся в Содом, который к тому времени уже восстановили после разграбления. Лот решил жить прямо в городе, поскольку опасался находиться за его стенами после всех произошедших событий.

В лагере Аврама всё снова вошло в мирное русло. Жизнь протекала размеренно. Пастухи выгоняли скот на пастбища, рыли новые колодцы, чтобы поить животных во время перехода с одного места на другое.

Лишь Сара сильно страдала из-за того, что Господь так и не даровал им детей. Она винила себя, считая, что причина в ней самой. Аврам утешал жену, напоминая, что всё в руках Всевышнего и происходит по Его воле. Но Сара всё равно расстраивалась и иногда плакала, глядя, как её муж сидит у шатра и наблюдает за детьми, бегающими по лагерю.

На третий день после возвращения Аврам вышел за пределы стана, чтобы помолиться и воздать хвалу Богу. Как обычно, он стоял, накинув покрывало на голову, и благодарил Всевышнего за дарованную победу и за то, что никто из

его людей не погиб в опасном походе.

- Аврам, - раздался голос.

Аврам вздрогнул, поняв, что с ним говорит Господь.

- Вот я, Господи, - ответил он, опускаясь на колени.

- Не бойся, Аврам. Я твой щит. Награда твоя будет велика.

Господь продолжил:

- Я вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе эту землю во владение.

- Владыка. Господи! - воскликнул Аврам. - Как мне узнать, что я буду ею владеть?

- Ты увидишь. Я покажу тебе. Возьми трёхлетнюю телицу, трёхлетнюю

козу, трёхлетнего овна, горлицу и молодого голубя. Завтра на закате принеси их Мне во всесожжение.

Голос затих. Аврам понял, что разговор окончен. Он спустился с холма и

направился к своему шатру, где его ждала любимая жена Сара.

Когда он вошёл, Сара уже лежала в постели. В шатре горела лишь одна лампада, давая тусклый свет. Услышав шорох шкур, она обернулась и улыбнулась мужу:

- Ты вернулся, господин мой? Ты сегодня долго молился.

- Да, любовь моя. Сегодня Господь говорил со мной.

- Что же Он сказал?

- Он пообещал отдать мне и моему народу эту землю.

- Но здесь много воинственных племён.

- Сара, разве Он хоть раз обещал и не выполнил?

- Нет.

- Я полностью доверяю моему Богу. Если Он так сказал, так и будет. Не сомневайся, просто верь. Вспомни Египет...

- Я верю, господин. Как сказал Господь, так и будет.

- Аминь. Давай спать. Завтра будет трудный день.

* * * * *

Утро выдалось ясным и, как всегда, жарким. Аврам позвал своего слугу Елиезера и сказал:

- Сегодня я принесу жертву Господу. Распорядись, чтобы к обеду мне привели из стада самых лучших, откормленных животных: трёхлетнюю телицу, трёхлетнюю козу и трёхлетнего овна. Пусть отроки поймают в силки горлицу и молодого голубя.

- Слушаю, господин, - ответил Елиезер и поклонившись собрался уходить, но Аврам окликнул его:

- И пусть отроки соберут камни на вершине холма. Это всё. Я сам построю жертвенник.

- Будет сделано, господин.

День прошёл в трудах. Люди работали: юноши носили камни на холм, рабы привели откормленный скот и привязали его к кольям, чтобы животные не разбежались.

Во второй половине дня Аврам один поднялся на холм. Всё было готово: камни лежали грудой, рядом стояли связан-

ные животные, были сложены дрова для огня. Аврам начал сооружать жертвенник. Это заняло почти два часа. Он строил его из неотёсанных камней, без глины и смолы. Камни нужно было плотно уложить, чтобы они выдержали тяжесть жертвы и не рассыпались. Жертвенник должен был иметь форму вытянутого стола, а не просто груды камней.

Когда работа была закончена, солнце уже клонилось к западу. Аврам заколол всех животных, рассек их пополам и разложил части одну против другой. Только горлицу и голубя он не стал рассекать.

На трупы налетели хищные птицы, но Аврам отгонял их. Они мешали, но не могли заставить его отказаться от задуманного. Затем он развёл огонь, и пламя взвилось в небо, унося с собой жертвы, угодные Богу.

Когда солнце село, на Аврама напал крепкий сон. Глаза слипались помимо его воли, тело устало от тяжёлой работы и требовало отдыха. Прислонившись к столбу, который вкопали рабы, он заснул.

Аврам лежал, прижавшись спиной к холодному столбу, и слышал голос Господа. Каждое слово пронзало его, словно молния. Голос был тих, но наполнен такой силой, что столб под его телом, казалось, дрожал.

- Встань, Аврам. Не бойся.

Он медленно поднял голову. Вокруг не было ни огненного куста, ни столпа света - лишь ровное сияние, исходившее отовсюду и ниоткуда. Воздух стал плотным.

- Ты ищешь знамений, но они лишь тени Моей воли. Ты хочешь понять пути Мои, но они выше твоих. Скажи, Аврам, чего ты желаешь больше всего на свете?

Аврам хотел ответить, но слова застревали в горле. Он вспомнил бесплодные годы, тоскливые взгляды Сары, пустой шатёр, где не слышен детский смех. Он понял: все его богатства — лишь пыль. Он хотел того, что обещал Господь, но что казалось таким далёким.

- Сын, - прошептал он. - Наследник. Тот, кто продолжит мой род, кто увидит землю, обещанную Тобой. Я бездетен. Распорядителем в моём доме слуга Елиезер из Дамаска. Ты не дал мне потомства, и вот, домочадец мой будет моим наследником.

Голос зазвучал громче, но с теплотой, от которой по спине Аврама пробежала дрожь:

- Не будет он твоим наследником. Тот, кто произойдёт из чресл твоих, станет твоим наследником. Взгляни на небо. Видишь ли ты звезды? Сосчитай их, если сможешь. Таким будет твоё потомство - не только по плоти, но и по вере. Ибо не тот сын, кто рождён от крови, а тот, кто рождён от обетования. Знай же, Аврам: прежде чем ты воззвал ко Мне, Я уже ответил тебе. Прежде чем ты

вышел из Ура Халдейского, Я уже благословил тебя.

Аврам чувствовал, как слёзы текут по его щекам, смешиваясь с пылью. Он не смел их вытирать.

- Но как, Господи? - спросил он дрожащим голосом. - Я

стар, и Сара не плодна. Мы ждали так долго, что надежда угасает, как вечерняя заря.

- Долго? - в голосе послышалась лёгкая улыбка. - Что есть долго для Того, Кто

соткал время Своими руками? Для Меня тысяча лет - как день вчерашний. Я вижу твоё сердце, Аврам, и оно чисто. Ты не роптал, не отвернулся, когда испытания приходили одно за другим. Ты верил, даже когда вера казалась безумием. Именно за это Я назову тебя отцом множества народов. Имя твоё будет благословением во всех племенах земли.

Вокруг Аврама пространство начало уплотняться, и он заметил - или это только почудилось? - колеблющиеся силуэты, напоминающие бесконечные вереницы людей, шагающих сквозь пустыню. Доносились звуки шагов, лязг оружия, детский плач и песнопения. Это было откровение о великом народе, который произойдёт от него.

- Но наступит и мрак, - продолжил голос, теперь звучащий с грустью. - Твои потомки станут чужаками на чужбине. Их будут притеснять четыре столетия. Однако Я совершу суд над народом, который поработит их, и они уйдут, имея много богатств. Ты же отойдёшь к предкам своим с миром и будешь похоронен в глубокой старости.

Аврам хотел задать ещё вопросы, но голос затих, словно удаляясь.

- Соблюдай Мой завет, Аврам. Соверши обрезание над собой и над всеми мужчинами в твоём доме. Обрежьте у все-

го мужеского пола крайнюю плоть. Это будет заветом между Мной и тобой, заветом вечным. Отныне ты не будешь называться Аврамом - возвышенный отец, но твоё имя станет Авраам - отец множества. И Сару больше не называй Сарою - моя госпожа. Пусть её имя будет Сарра - владычица всего народа.

Свет начал угасать, и тьма окутала всё. Авраам, всё ещё стоя на коленях, ощущал, как земля возвращается к своей привычной твёрдости. Ветер снова стал обычным ветром, а звёзды - просто звёздами. Но в груди его горел огонь, которого он раньше не знал.

Он поднялся, стряхнул пыль с одежды. Его глаза, привыкшие к темноте, теперь видели дальше и чётче. Он понял: то, что казалось невозможным, на самом деле возможно. То, что казалось концом - всего лишь начало. И он направился обратно к шатрам, где ждала его Сара, чтобы рассказать ей о чуде, кото-

рое перевернёт всё.

На следующий день Авраам вышел молиться Господу. Он отошёл от лагеря примерно на стадию¹и, покрыв голову, начал благодарить Всевышнего за Его милости. После молитвы он хотел вернуться в стан, но замер, услышав голос:

- Знай, Аврам, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей. Их поработит чужой народ и будет угнетать четыреста лет. Смотри, Аврам, Я покажу тебе. Смотри и увидишь...

И Аврам увидел...

* * * * *

Фараон сидел на троне в зале для приёмов. Роскошь и убранство дворца делали его поистине величественным. Вся зала была полна людей: подданных правителя, его вассалов и наместников. В этот день проходил приём и разбор жалоб, и владыка Египта судил строго, но не всегда честно. В правой руке он держал жезл, и никто не смел заговорить с ним, пока тот не был обращён в сторону говорившего. Государственные дела шли успешно. Фараон был доволен. Поистине, эти евреи оказались даром небес. Ни один египтянин не трудился, ведь для работы хватало этих мерзких пастухов овец. Хотя они давно уже не пасли скот, они выполняли всю тяжёлую работу по всему Египту. У каждого египтянина был раб-еврей, а то и несколько, кто сколько мог себе позволить. Кроме того, евреи работали на строительстве дворцов и домов, лепили и обжигали кирпичи. Произнося слово «еврей», каждый вкладывал в него всё своё презрение. Раб. С ним можно было сделать всё что угодно: убить, продать, избить, казнить. Только одно омрачало царя: сколько бы их ни били, ни убивали, они всё равно оставались многочисленными и продолжали размножаться. Никакая тяжёлая работа не могла заставить их исчезнуть. Они плодились, как мухи. Фараон отправлял их на самые тяжкие труды, но они, казалось,

не только не уставали, но становились сильнее и многочисленнее.

Владыка Египта обвёл взглядом своих советников и сказал:

- Вот, народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас. Если начнётся

¹Стадия – около 200 метров.

война, он объединится с нашим врагом, возьмётся за оружие против нас и уйдёт из нашей земли. Нужно дать им ещё больше тяжёлой работы, чтобы они были сильнее истощены.

Некоторое время назад, он поставил над ними надсмотрщиков, чтобы изнурять их тяжёлым трудом. Но чем больше их изнуряли, тем сильнее они умножались и возрастали.

И с ещё большей жестокостью египтяне принуждали евреев к работам, делая их жизнь горькой от труда над глиной и кирпичами и от всякой полевой работы.

И вот сегодня фараон вспомнил, как несколько дней назад у него попросил аудиенции один из его учёных жрецов-волхвователей.

- Господин мой, царь. Живи вечно, - сказал он тогда. - Я хочу передать тебе послание богов, которое они открыли мне этой ночью. Вскоре среди израильтян родится мальчик, который, если вырастет, сокрушит могущество египтян и сделает евреев властным народом; при этом он превзойдёт всех

людей своей добродетелью и обретёт вечную славу.

Тогда фараон посмеялся этому предсказанию. Но чем больше он размышлял, тем тревожнее становилось у него на душе.

Евреи действительно умножались и становились сильнее и крепче.

Выслушав все жалобы и тяжбы, фараон поднялся. Все поклонились, понимая, что приём окончен, и начали расходиться. Тогда фараон указал жезлом на одного из своих слуг. Тот мгновенно оказался рядом с господином и склонился в поклоне.

- Позови ко мне повивальных бабок евреек.

Через короткое время к нему доставили двух женщин по имени Шифра и Фуа.

Женщины от страха не могли вымолвить ни слова. Они молча упали на колени перед царём.

Фараон обратился к ним:

- Я вижу, что ваш народ благоденствует, ибо еврейки часто рожают детей. Приказываю вам: когда будете принимать роды у евреек, наблюдайте при родах: если будет мальчик, то умерщвляйте его, а если девочка, пусть живёт.

Старые женщины в страхе покинули дворец. Но ни одна из них не смогла последовать приказу фараона. Они боялись Бога Израилева и поэтому оставляли детей в живых.

Через несколько дней фараону доложили, что еврейские женщины снова рожают мальчиков, и никто их не умерщ-

вляет.

Тогда фараон опять призвал повивальных бабок к себе:

- Почему вы оставляете детей в живых? Или хотите на себе испытать мой

гнев? - и он указал жезлом на Шифру.

- Господин наш, царь, - ответила женщина. - Еврейские женщины не такие, как египетские. Они здоровы. И прежде, чем мы приходим к ним, они уже рожают.

Тогда фараон отпустил повивальных бабок. И на следующий день отдал приказ всему народу:

«Всякого новорождённого у евреев сына бросайте в реку, а всякую дочь оставляйте в живых. Тех же, кто поступит вопреки этому приказу и осмелится тайно спасти новорождённых, вместе со всем их семейством казнить».

Это стало ужасным ударом для евреев, и не только потому, что родители лишались детей. Им самим приходилось исполнять роль палачей. И мысль о полном прекращении рода усугубляла их горе и безысходность. В таком великом горе они находились. И часто слышались стоны и плач из домов, где проходили роды.

В то время один из евреев, Амрам, женился на Иохавед, женщине-еврейке.

Вскоре у них родилась девочка. Её называли Мариамь.

Через пять лет его жена снова зачала и родила мальчика, которого называли Аароном. Его им разрешили оставить для продолжения рода.

Спустя ещё три года, она понесла и скрывалась от соседей, чтобы они не видели и не знали о её беременности. Когда пришло время рожать, Амрам очень беспокоился, потому что крики жены могли быть услышаны.

Он сильно заботился о судьбе всего своего народа и боялся, как бы его народ не исчез с лица земли из-за недостатка молодого поколения.

Амрам обратился к милосердию Вечного Бога:

- Господи Израилев, сжался над людьми, которые не изменили Тебе и продолжают чтить Тебя как своего Бога. Освободи их от этого горя. Оставь нам надежду, что племя наше не погибнет. Умоляю Тебя, пощади народ Твой.

На удивление, Иохавед родила быстро и без болей. Когда они увидели, что это мальчик и как он красив, они оставили его вопреки приказу фараона.

Три месяца они скрывали его от людей и соседей, и вот, наконец, дальше скрывать его стало невозможно. Ибо если бы о нём узнали, казнили бы всю семью.

Амрам подошёл к жене и сказал:

- Иохавед, я верю, что Всевышний не оставит нашего сына без защиты. Нам нужно что-то делать. Я предлагаю сделать корзину, осмолить её смолой и, положив туда сына, отправить его по Нилу вниз по течению. А Мариамь, наша дочь, пусть проследит, что будет с ребёнком.

С тяжёлым сердцем они сделали корзину, осмолили её смолой, положили

туда младенца и ранним утром отнесли его в заросли тростника по берегам Нила.

Мариамь, восьмилетняя девочка, сестра ребёнка, стояла вдали, наблюдая, что с ним будет.

Рядом находилось место для купания дочери фараона Фермуфис. Каждое утро она со своими рабынями выходила мыться на Нил.

Когда Фермуфис гуляла по берегу, ребёнок начал кричать. Она подозвала рабынь:

- Пойдите, посмотрите, что там такое.
- Слушаемся, госпожа, - ответили служанки.

Когда посланные вернулись с корзиной, царица увидела ребёнка и он ей сразу понравился. Малыш был красив и так крохотен, что привлекал внимание. Он плакал, видимо, хотел есть. Фермуфис взяла его на руки, и ребёнок перестал кричать. Он прижался к царице и улыбнулся. Этим он полностью

покорил сердце дочери фараона.

- Это, наверное, из еврейских детей, - сказала одна из служанок. - Видно, кто-то пожалел ребёнка и не хотел бросать его в реку, но растил тайно. А потом не мог больше скрывать и решил от него избавиться.

- Да, скорее всего так. Найдите мне кормилицу для ребёнка, - приказала Фермуфис.

Тут же позвали женщин-египтянок с детьми. Но малыш не хотел брать чужую грудь и отказывался от многих. Сначала

он с жадностью хватал ртом, а потом снова начинал кричать. Стоявшая в стороне Мариамь подошла как бы случайно и сказала:

- Напрасно, царица, призываешь ты этих женщин для кормления, он ведь не одного с ними племени; если же ты велишь позвать одну из еврейских женщин, он немедленно примет родную грудь.

- Конечно, - сказала Фермуфис. - Ведь это еврейский ребёнок. Скажи, ты знаешь еврейку, которая могла бы кормить его?

- Да, госпожа. У нас в посёлке есть женщина, которая кормит своего ребёнка. Думаю, у неё хватит молока на обоих.

- Позови её ко мне. Пусть явится незамедлительно.

- Госпожа, ты хочешь его оставить? - спросила одна из служанок.

- Да. Я оставлю его себе. Как мне его назвать?

- Если будет дозволено, моя госпожа, назови его Исей, что значит «спасённый».

- Нет, я назову его Моисей. Что значит «спасённый из воды». - Сказала царица.

Воспользовавшись тем, что царица искала кормилицу, Мариамь вскоре вернулась в сопровождении своей матери Иохавед. Так как младенец с удовольствием взял у неё грудь, царица доверила ей воспитание ребёнка.

- Его зовут Моисей, - сказала царица женщине. - Возьми

этого младенца

и вскорми его мне. Я тебе хорошо за это заплачу.

- Да, моя госпожа. Как будет тебе угодно, - ответила Иохавед. И сердце её ликовало от радости.

Своё имя мальчик получил из-за того, что его нашли в реке и вытащили из воды. Египтяне называют воду «мо», а спасённых - «исис». Соединив эти два слова, они и дали ему такое имя.

* * * * *

Когда ребёнку исполнилось два года, его мать Иаховед привела его к дочери фараона. С того дня он жил у неё как родной сын.

В три года Господь наделил его ростом, необычным для такого возраста. Его красота не оставляла никого равнодушным - все, кто видел Моисея, выражали восхищение. Бывало, что, когда его проносили по улице, прохожие бросали свои дела и застывали, глядя ему вслед, настолько детская привлекательность приковывала взгляды.

У Фермуфис не было собственных детей, поэтому она усыновила мальчика. Однажды она привела Моисея к своему отцу и объявила его своим наследником, ведь по воле Бога ей не суждено было родить сына. Она сказала:

- Я вырастила этого чудесного ребёнка, который был дарован мне богами

необычным образом. Я решила усыновить его и сделать наследником твое-

го царства. Его зовут Моисей, отец.

С этими словами она передала мальчика фараону. Тот улыбнулся, взял его, прижал к груди и, желая угодить дочери, надел на него свою корону.

- Да будет так, дочь моя, - произнёс он. - Слушайте все. - Он поднял ребёнка над собой. - Это дитя - законный наследник и принц Египта. Отныне он будет воспитываться как истинный наследник и настоящий египтянин.

Фермуфис дала Моисею всё, что полагалось родному сыну фараона. Он

рос во дворце, и все его любили. Хотя он жил в роскоши и достатке, люди це-

нили его за мягкость и милосердие. Он никогда никого не обижал, говорил со

всеми ласково и поступал справедливо.

Когда Моисею исполнилось шестнадцать лет, он вместе со слугами вышел на улицы города, чтобы прогуляться и посмотреть, как строятся новые кварталы. Он не заметил, что за ним издалека следуют двое молодых людей - парень и девушка. Они шли за кортежем, стараясь оставаться незаметными.

Моисей переходил от одной постройке к другой, одобрительно кивая, глядя на величественные здания. В удобный момент, когда слуги оказались в стороне, молодые люди по-

дошли к нему и сказали:

- Господин, разреши поговорить с тобой.

Моисей вздрогнул и обернулся. Он не ожидал, что кто-то из рабов осмелится заговорить с ним. Слуги бросились к незнакомцам, желая отогнать их, но Моисей поднял руку.

- Подождите, - сказал он. - Что вы хотите? - обратился он к молодым людям.

- Разреши поговорить с тобой наедине.

- Как вы смеете... - начал один из слуг.

- Ничего, Артаксес. Пусть говорят. - Моисей отошёл с ними в сторону.

Слуги с подозрением наблюдали, ожидая чего угодно от рабов, посмеавших заговорить с их господином.

- Моисей, - произнесла девушка, - ты не помнишь меня. Я Мариамь. А это Аарон. Мы твои брат и сестра.

- О чём вы? Как вы можете быть моими родственниками? Вы знаете, кто я?

- Да, Моисей, мы знаем. Ты родился в еврейской семье. Тогда вышел указ бросать в реку всех новорождённых мальчиков из еврейских семей. Египтяне хотели сократить число мужчин в нашем народе, боясь, что евреев станет слишком много и они поднимут бунт. Но наша мать Иаховед не желала твоей смерти. Она и отец прятали тебя три месяца, а когда скрывать стало невозможно, сделали корзину, осмолили её и оставили в тростнике на берегу Нила. Я следила за тобой. Я видела, как тебя нашла дочь фараона. Когда она

искала кормилицу, я привела к ней нашу мать. Ты два года жил в нашей семье. А когда тебе исполнилось два года, тебя отдали дочери фараона. Тебя называли Моисеем, потому что ты был спасён из воды. Ты не египтянин, Моисей, ты еврей.

Моисей молча слушал. Когда она закончила, он спросил:

- Зачем ты мне это рассказываешь? Вы чего-то хотите?

- Нет, нам ничего не нужно. Мы хотим, чтобы ты знал правду. Скоро ты станешь правителем Египта. Но евреи, рабы - это твой народ. Мы сильно страдаем. Может, когда ты станешь фараоном, ты вспомнишь, откуда ты родом и ослабишь жестокость египтян к нам.

- Ты врёшь, - сказал Моисей. - Я сын фараона. Я не могу быть евреем.

- Я не вру. Вот Аарон, твой старший брат. Он родился до тебя. Он тоже помнит тебя, как ты рос в нашей семье.

- Хватит, — оборвал Моисей и приказал слугам: — Уберите их. Я не хочу больше с ними говорить.

Слуги прогнали их. Обернувшись, Мариамь крикнула:

- Помни, Моисей, помни...

Этот разговор не давал ему покоя ни днём, ни ночью. Сомнения, посеянные в его сердце, росли и превратились в невыносимую неизвестность. Он хотел знать правду. Неужели он действительно еврей? На третий день терзаний он подошёл к матери.

- Я хочу поговорить с тобой. Уделишь мне немного времени?

Фермуфис хлопнула в ладоши, и рабыни ушли.

- Что ты хотел, сын мой? - ласково спросила она.

- Не спрашивай, откуда я узнал, но мне сказали, что я не родной твой сын. Ты усыновила меня? Это правда?

Царица вздрогнула.

- Кто тебе это сказал?

- Мама, я просил не спрашивать. Так это правда?

Она задумалась на минуту, затем решилась:

- Под страхом смерти было запрещено говорить об этом кому бы то ни было, тем более тебе. Не знаю, кто тебе рассказал, но этот человек очень смел.

- Мама, ты всегда будешь моей матерью. Но я хочу знать правду. Я не могу жить во лжи. Расскажи мне всё.

- Хорошо, сын мой. Ты не египтянин. Ты еврей...

Фермуфис рассказала всё, что скрывала.

- Теперь ты знаешь. Но помни: ты воспитан в лучших традициях Египта. Ты наследный принц. Ничто не помешает тебе стать фараоном. Иди, дитя моё. - Она поцеловала его в лоб. - А я пойду молиться в храм.

Моисей ушёл к себе. Думы заполнили его голову. Столько всего случилось, всё свалилось на него так неожиданно. Ему захотелось встретиться с настоящими матерью и отцом, просто чтобы удовлетворить любопытство.

На следующее утро он позвал слугу, который был ему другом. Они росли вместе, и Моисей доверял ему как себе.

- Артаксес. Узнай тайно, где в еврейском поселении живёт

семья Амрама,

Иаховед и их дети Мариамь и Аарон.

- Зачем тебе это, господин? Они рабы. Царевичу не пристало общаться с ними.

- Это нужно мне.

- Хорошо. Как скажешь.

Артаксес ушёл. Моисей остался в одиночестве. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Он мысленно рисовал сцену встречи с теми, кто дал ему жизнь. Как они отреагируют? Сохранили ли память о нём? Вероятно, да, раз отправили Мариамь и Аарона для разговора. Он был убеждён, что именно они поручили детям отыскать его и открыть правду. Если Артаксес сумеет разыскать их, то этой же ночью он навестит их. А пока оставалось лишь терпеть. Как же невыносимо это ожидание.

Когда день начал угасать, вернулся Артаксес. Он жадно набросился на еду, оставленную на столе Моисея.

- Ну, говори. Нашёл? - нетерпеливо спросил Моисей.

- Да, - ответил друг, не переставая жевать. - Подожди, сейчас расскажу. Целый день маковой росинки во рту не было. Это оказалось непросто. Евреи недоверчивы. Упорно не хотели говорить то, что мне нужно. Пришлось пробежаться по их поселению, понаблюдать. Но я выяснил. Их семья живёт неподалёку от Нила. Я видел девушку и парня. Их звали Мариамь и Аарон. А соседи называли их родителей Амрам и Иаховед.

- Это они, - Моисей схватил Артаксеса за руку.
- И что теперь? Ты знаешь, где они живут. Что это тебе даёт?
- Сегодня ночью ты проводишь меня к ним.
- Ни за что. Хочешь, чтобы мне отрубили голову?
- Не бойся. С тобой ничего не случится. Во-первых, никто не узнает. Во-вторых, если нас остановят, я скажу, что ты сопровождаешь меня на прогулке. Кто осмелится со мной спорить?
- Ну, не знаю. Может, твоя мать? Или фараон?
- Фараону всё равно, куда я хожу и что делаю. А мать уже будет спать.
- Ну хорошо. Тогда я с тобой.
- Отлично. Когда солнце сядет, жду тебя здесь. А сейчас можешь умыться и отдохнуть.

* * * * *

Луна нависла над Египтом, заливая долину Гесем призрачным светом. Двое пробирались тёмными переулками из города, стараясь не попадаться на глаза редким прохожим и меджаям¹, патрулирующим улицы Мемфиса. За стенами города они перестали прятаться и быстро зашагали вдоль берега Нила.

Вдали замерцали огни. Это и была цель их пути.

- Артаксес, ты будешь ждать меня у входа в посёлок. Покажешь жилище

и возвращайся, жди меня там.

- А не опасно тебе одному туда идти?

- Нет, поверь.

- Хорошо.

Они вошли в поселение. В некоторых домах ещё горел свет, но в основном было пусто. Тяжёлая работа давала о себе знать: люди ложились рано, чтобы хоть немного отдохнуть перед новым изнурительным днём.

- Вот эта хижина, Моисей.

Внутри горел слабый огонь. Там ещё не спали.

- Хорошо. Теперь иди и жди меня там, где я сказал.

- Долго ты здесь будешь?

- Не знаю. Может, минуту, может, несколько часов. Ты жди.

- Как скажешь, господин.

Артаксес развернулся и направился к выходу из посёлка. Моисей подошёл к двери. Она была старой, покосившейся. Смутные образы всплыли в памяти. Казалось, он уже видел её раньше. Он поднял руку, чтобы постучать, и замер. За дверью раздался хриплый мужской кашель. Моисей опустил руку.

«А может, не нужно этого? - пронеслось в голове. - Может, повернуть и уйти домой? Пусть всё остаётся как есть?»

¹Меджаи - элитная военизированная полиция в Древнем Египте.

Снова послышался тяжёлый кашель. Похоже, человек был болен.

Моисей поднял руку и постучал.

- Аарон, открой, - раздалось изнутри. - Наверное, это Сара принесла травы от кашля.

- Я открою, отец, - послышался девичий голос, и Моисей понял, что это Мариамь.

Дверь распахнулась. На пороге стояла красивая молодая еврейка, которую

Моисей уже видел в Мемфисе. Улыбка на её лице сменилась удивлением. Она открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Когда шок прошёл, она тихо

прошептала, едва шевеля губами:

- Ты пришёл... Ты всё-таки пришёл.

На глазах выступили слёзы.

- Кто там, Мариамь? - спросил мужчина.

Сзади девушки появился Аарон. Он тоже застыл в немом изумлении.

Снова раздался кашель, и женский голос произнёс:

- Лежи, Аамрам. Тебе нельзя вставать.

Мариамь отступила внутрь, пропуская Моисея. Аарон посторонился. Моисей увидел бедную, почти нищенскую обстановку. Вместо кроватей на полу лежала солома, накрытая шкурами. В углу на шкурах лежал пожилой мужчина. Женщина, сидя спиной к двери, варила похлёбку на углях, помещивая деревянной ложкой.

- Мариамь, не держи Сару в дверях. Пусть заходит, - сказала она не оборачиваясь.

- Мам, - тихо сказала Мариамь. Потом громче: - Мам, это не Сара.

- А кто же? — спросила женщина, поворачиваясь.

Мужчина на шкурах снова закашлялся и тоже повернулся посмотреть на позднего гостя. Ложка выскользнула из рук Иаховед и булькнула в котёл. Она выпрямилась, всматриваясь в человека у дверей. На пороге стоял красивый высокий молодой египтянин. Он молча смотрел на женщину, будто пытался вспомнить её после долгой разлуки.

- Кто это? - дрожащим голосом спросила она у Мариамь.

- Мама, это Моисей. Он пришёл...

Женщина протянула дрожащую руку и тихо произнесла:

- Сынок... это ты...

Ноги подкосились, и она начала оседать. Моисей бросился вперёд и успел

подхватить её. Он аккуратно опустился вместе с ней на земляной пол, держа её на руках. В горле застрял ком. Он не мог говорить, но из глаз, подведённых сурьмой по египетской моде, потекли слёзы.

- Сыночек, милый. Я знала, что увижу тебя. Господь милостив. Его рука щедра на добрые дела.

- Мама, - произнёс он наконец. - Я вернулся.

На шкурах снова закашлялся Амрам.

- Сынок, это твой отец, - Иаховед указала на мужчину. -

Он сильно болен.

Моисей встал и подошёл к отцу. Амрам шурился при тусклом свете, пытаясь разглядеть подошедшего.

- Отец, я сын твой, Моисей.

Трясущаяся рука протянулась к нему, желая прикоснуться и убедиться, что это не сон.

- Сын мой, как долго тебя не было, - произнёс он. - Нам так тебя не хватало.

Иаховед пришла в себя, встала и сказала Мариамь и Аарону, всё ещё стоявшим в оцепенении:

- Мариамь, неси сыр. Аарон, неси мацу. У нас сегодня праздник. Наш сын вернулся.

Потом подняла глаза к небу и произнесла:

- Благодарю Тебя, Всевышний, за Твоё милосердие. Как велика Твоя милость. Да будет благословенно имя Твоё во веки.

Мариамь и Аарон подошли к брату. Они обнялись, в глазах светилась радость и любовь. Долгожданная встреча после долгой разлуки, несмотря на скудость еды и нищенскую обстановку, наполнила их сердца счастьем. Даже Амрам почувствовал себя лучше и, вопреки протестам жены и детей, сел за стол, накрытый прямо на полу.

- Теперь я могу спокойно умереть, ибо глаза мои увидели тебя, сынок, - сказал он.

- Нет, отец, ты не умрёшь. Завтра лучшие лекари Египта осмотрят тебя и поставят на ноги. И ещё: вы больше не буде-

те здесь жить. Я освобожу вас от тяжёлых работ и переселю в город. Вы будете жить недалеко от дворца, и мы сможем чаще видаться. Аарон, я подумаю, куда тебя пристроить, чтобы работа была лёгкой. Мама, отец, завтра я пойду в храм и принесу жертву богам за их милость.

- Не делай этого, сынок. У нас один Великий Всемогущий Бог, и это не божки

Египта. Нужно воздать славу Ему.

- Кто Он? Я принесу жертву Ему.

- О, мы расскажем тебе о Нём. И о том, что Он сделал для нас и для тебя.

* * * * *

Уже перевалило за полночь, когда Моисей добрался до окраины селения. Артаксес дремал сидя, опершись на камень.

- Эй, соня, подъём. - Моисей шутливо толкнул его ногой.

Юноша вскочил.

- Фу, - выдохнул он. - Это ты. А я думал, меня нашли евреи и сейчас избыют.

Моисей рассмеялся.

- Думаешь, евреи стали бы бить египтянина?

- Кто их знает, что у них на уме. Они же рабы. Мало ли что они вытворят ночью, когда никого нет.

- Ладно, трус, пошли.

- Я не трус, - шутливо обиделся Артаксес. - Ну что, нашёл то, что искал?

- Да, нашёл. И это самая ценная находка в моей жизни.

ГЛАВА 8

ПРОРОЧЕСТВО. ИЗГНАНИЕ.

Много лет спустя, когда Моисей стал совсем взрослым, он отправился к своим соплеменникам, сынам Израиля, и увидел их изнурительный труд. Проходя мимо зданий и построек, которые они возводили, его сердце сжималось от боли, потому что их жестоко притесняли.

С тех пор как Моисей понял, что принадлежит к израильскому народу, прошло немало времени. Хотя он жил во дворце и был наследным принцем Египта, он считал себя евреем и глубоко переживал за свой народ. Он осознавал, что все надежды израильтян возложены только на него и, если он не вступится за них, когда станет фараоном, рассчитывать им будет не на кого.

Не раз он приходил к фараону, прося облегчить непомерную ношу рабов, но всякий раз получал отказ. По неизвестной причине сердце фараона оставалось жестоким. Он питал лютую ненависть к евреям и стремился уничтожить этот народ непосильной работой.

Моисей шагал по улицам строящегося города, и вокруг

него раздавались крики надсмотрщиков, свист плетей и стоны рабов. Чем он мог им помочь? По сути, у него не было никакой власти. Египтяне относились к нему с уважением, но во всём, что касалось рабов, они подчинялись только фараону.

Забредя в отдалённый уголок, он увидел, как надсмотрщик избивает раба плетью. Еврей корчился от ударов, упав на землю, он стонал и пытался уклониться от плети. Моисей подбежал к египтянину и перехватил его руку.

- Что он сделал? - строго спросил он.

- Эта грязная свинья работает слишком медленно. Я научу его, как надо работать.

Раб лежал в пыли, тихо всхлипывая. Его нога была перевязана грязной тряпкой, на которой виднелись следы крови.

- Он ранен, - сказал Моисей.

- И что? Это даёт ему право бездельничать? Сейчас я его вылечу...

Он снова замахнулся плетью, но Моисей опять схватил его за руку.

- Оставь его, - потребовал он.

- Во дворце ты можешь отдавать приказы, принц. А здесь у тебя нет власти, -

надменно ответил египтянин и оттолкнул его руку.

Плеть снова свистнула, и раб содрогнулся от боли. Моисей пришёл в ярость. Этот человек, которого во дворце можно было казнить за меньшую провинность, осмелился оскор-

бить его, принца. Оглядевшись и убедившись, что рядом никого нет, он поднял камень, лежавший среди других.

Надсмотрщик, не обращая на него внимания, продолжал методично избивать раба. Моисей подошёл сзади, размахнулся и ударил египтянина по голове. Тот на миг застыл, затем его ноги подкосились, и он упал замертво на песок.

Раб от неожиданности замер, глядя с ужасом на мёртвого палача. Затем он вскочил и быстро скрылся за углом строящегося здания. На площадке остался только Моисей с камнем в руке. Рядом, в луже крови, которая быстро впитывалась в песок, лежал мёртвый египтянин с разбитой головой.

Не веря в то, что сделал, Моисей ещё минуту стоял над телом. Затем, оглянувшись и убедившись, что его никто не видит, он взял тело и перетащил под стену. Вырыв руками яму, он опустил туда труп и засыпал песком. Замел следы крови, снова огляделся. Похоже, никто ничего не заметил.

Моисей быстро направился во дворец. «Хватит с меня приключений на сегодня, - подумал он. - Никто ничего не видел, а раб, скорее всего, будет молчать. Ведь я за него заступился. Всё обойдётся. Скорее домой».

На следующее утро Моисей снова вышел в город. С ним были Артаксес и слуга. Проходя по улицам и наблюдая за работами в новой части города, они заметили, как ссорятся два еврея. Остановившись, Моисей с укоризной посмотрел на них. Подойдя, он сказал обидчику:

- Зачем ты бьёшь своего ближнего? Вы братья, и не долж-

ны ссориться.

- А тебе какое дело? - ответил тот, кто обижал другого.
- Кто поставил тебя судьёй над нами? Может, ты и меня убьёшь, как вчера убил того египтянина?

Моисей опешил. Кровь бросилась ему в лицо. Значит, тайна раскрыта. Кто-то, скорее всего тот раб, за которого он вступился, всё рассказал. Теперь, вероятно, весь Египет узнает о его преступлении. Он украдкой взглянул на спутников. Артаксес остался невозмутим и сделал вид, что ничего не слышал. А слуга стоял с открытым ртом. Весть об исчезнувшем египтянине разнеслась ещё вчера вечером. Его искали, но не нашли, и теперь Моисея открыто обвинили в убийстве.

Моисей повернулся и молча зашагал обратно во дворец. Артаксес со слугой последовали за ним. По дороге Артаксес догнал друга.

- Что это было, Моисей?
- Это правда.
- Ты понимаешь, что теперь будет? О чём ты думал, когда делал это?
- Ни о чём не думал. Так вышло...
- Тебя казнят. Ты это понимаешь? Ничто тебя не спасёт. Ни мать, ни то, что ты принц. Убить египтянина - непрости-
тельное преступление.
- Я знаю.
- Моисей, слуга всё слышал. Он не будет молчать. Сегодня

во дворце все узнают, что ты виновен.

- Я знаю.

- Ты ничего не понимаешь? Моисей, тебе нужно бежать.

- Куда?

- Не знаю, но оставаться нельзя. Если не сбежишь, сегодня тебя возьмут под стражу, а завтра казнят.

Моисей остановился. Он быстро обдумывал что-то. Затем, приняв решение, тихо, чтобы не слышал слуга, сказал:

- Артаксес, ты мой друг. Я доверюсь тебе. Сейчас я не пойду во дворец. Я пойду к матери в Гесем. Ты сходи во дворец, разузнай всё, собери немного еды и сколько сможешь денег. Принеси это вечером. Я буду ждать. Ночью я уйду.

- Куда ты пойдёшь?

- Не знаю. Куда глаза глядят.

- Мы больше не увидимся?

- Не знаю. Всё в руках богов.

- Иди, Моисей. Я постараюсь задержать слугу. Мы немного побродим по городу, прежде чем попадём во дворец. Да хранит тебя Сет.

Он повернулся и крикнул слуге:

- Пойдём, возьмём хлеба. Чтобы было что есть вечером.

Слуга с подозрением посмотрел на Артаксеса, но молча развернулся и зашагал за ним в другую сторону.

* * * * *

Моисей шёл по пустыне уже третий день. Припасы закон-

чилились ещё вече-

ром предыдущего дня. В кожаном мешке оставалось лишь несколько глотков воды. Он берег её, лишь слегка увлажняя пересохшие губы, боясь выпить лиш-

него. Вода была тёплой и почти не приносила облегчения. «Если так продолжится ещё сутки, я навсегда останусь здесь», - подумал он.

Раскалённый песок проникал сквозь сандалии и больно жёг ступни.

Когда он покидал Египет, спасаясь от фараона, у него не было времени собираться. Только немного еды и воды, рассчитанных на три дня пути. Мать положила ему в сумку несколько сухих ржаных лепёшек, немного вяленого мяса и бурдюк с водой — всё, что он решился взять. Одежда его состояла из египетской тоги и сандалий, а лицо было покрыто краской, как у знатных людей. Но краска давно смылась потом, который он постоянно вытирал, и теперь он выглядел как чумазый трубочист.

Было ещё несколько серебряных монет, переданных верным Артаксесом, но в пустыне на них ничего не купишь. От этого серебра не было никакой пользы.

Вот и всё его снаряжение для долгого пути.

Пройдя ещё немного, он заметил вдали высокую гору. Сердце забилося

быстрее. Там, где есть горы, может быть вода и еда. Он прибавил шаг, но уставшие ноги плохо слушались.

Когда гора приблизилась, он увидел, что её склоны покрыты зеленью.

Земля Мадиамская, раскинувшаяся перед ним, была полна растительности.

- Я дошёл, - с радостью произнёс он вслух. - Боги ко мне благосклонны.

Подойдя к подножию горы, он заметил колодец. Рядом были устроены поилки для скота. Видимо, сюда приводили животных на водопой.

Собрав последние силы, он через короткое время уже наслаждался прохладной водой. Силы постепенно возвращались. Напившись, и набрав в бурдюк свежей холодной воды, он отошёл от колодца и сел на камень, с удовольствием ощущая, как оживает тело. Ещё бы немного еды — и он почувствовал бы себя как в прежние времена.

Примерно через час послышалось блеяние овец. Из-за горы показалось стадо. Присмотревшись, Моисей увидел, что его гонят семь молодых девушек.

Подойдя к колодцу, они мельком взглянули на незнакомца, спокойно сидевшего неподалёку, и начали набирать воду для себя и животных. Но не успели они наполнить и десяток мешков, как, с другой стороны, появилось ещё одно стадо. Его гнали крепкие загорелые мужчины.

Девушки забеспокоились. Один из пастухов крикнул:

- Эй, мелюзга, ну-ка убирайтесь отсюда.

Другие начали разгонять их овец пинками и палками. Ов-

цы разбежались.

- Мы пришли первыми, - крикнула одна из девушек. - Дождитесь своей очереди.

- Это вы подождёте, пока мы напоим скот и отдохнём. А когда мы уйдём, тогда поить будете своих.

- Мужчины засмеялись, откровенно издеваясь над хрупкими девушками.

- Моисей встал, поднял посох, взял в руку большой камень и направился к смеющимся пастухам.

- Мне кажется, - сказал он, - что силы неравны. Вы всегда оскорбляете тех, кто слабее?

- Тебе какое дело, путник? - набычился один. - Иди своей дорогой.

Но, взглянув на посох и камень в руке египтянина, он отступил.

- Я не терплю, когда обижают слабых, - ответил Моисей. - Отойдите и подождите своей очереди. Но если хотите познакомиться с египтянином поближе, что ж...

- Хорошо, хорошо, - сказал другой пастух, постарше. - Не будем ссориться. Мы подождём. - И, обернувшись к своим, крикнул: - Отгоните скот. У них всего голов пятьдесят, а у нас около пятисот.

Его слова подействовали. Пастухи развернули стадо и отвели его на небольшое расстояние.

Моисей подошёл к девушкам, взял у них мешок и начал

наливать воду в поилки.

Когда скот напоили, он вернул мешок и собрался идти дальше.

Одна из девушек, постарше, спросила:

- Как тебя зовут, путник?

- Моисей. Я из Египта.

- Ты прошёл из Египта пешком? Через пустыню? Ты голоден?

- Да, пустыня едва не погубила меня. Я уже прощался с жизнью, но увидел вдали горы и обрадовался. И да, я бы съел что-нибудь.

- Вот тебе сыр и хлеб. Куда ты идёшь?

- Я иду в страну Мадиямскую.

- Ты пришёл. Это и есть Мадиям. Если не спешишь, будь гостем в нашем доме. Мы живём недалеко. Наш отец Рагуил, священник, будет рад гостю.

- Благодарю за приглашение, - ответил он.

И они вместе отправились вглубь горной страны.

Рагуил, священник Мадиямский, прозванный Иофором, обрадовался пришельцу. Выслушав его историю и узнав, что ему некуда идти, он предложил Моисею остаться у него. Ему понравился красивый молодой мужчина с открытым сердцем.

Моисею тоже понравилось жить у Рагуила. Тот был честным и справедливым человеком. Они быстро подружились. Поскольку у Рагуила не было сыновей, только дочери, он с

радостью принял Моисея в семью. Через некоторое время он выдал за него свою старшую дочь Сепфору. Она родила Моисею сына, которого он назвал Гирсам...

* * * * *

Годы минули. Их жизнь сложилась счастливо, всё текло своим чередом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.